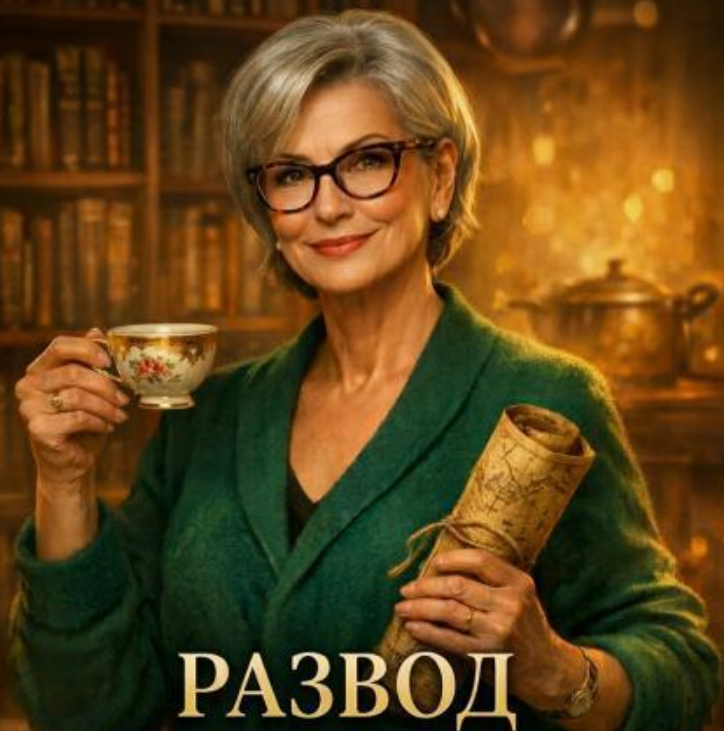

АЛИСА СОЛНЦЕВА

РАЗВОД НА ПЕНСИИ:

*Варить кашу тебе
будет другая!*

Алиса Солнцева

Развод на Пенсии: Варить кашу тебе будет другая!

<https://litres.ru/74535583>

Аннотация

- Клара, дело не в тебе. Просто Ванесса видит во мне энергию древнего воина! Мы с ней на одних вибрациях, - пафосно заявил мой муж, аккуратно застегивая чемодан, в который я же сама час назад заботливо уложила его рубашки и ортопедические стельки.

Тридцать лет брака перечеркнуты ради тридцатипятилетней «энергопрактика» и любительницы сыроедения. Другая бы на моем месте сползла по стеночке в слезах или бросилась резать свадебные фотографии. А я молча вручила бывшему контейнер с теплыми сырниками на дорожку и закрыла дверь. Посмотрим, Толик, как долго твой радикулит и гастрит протянут на одних просветленных вибрациях и смузи из сельдерея.

Казалось бы, в пятьдесят шесть лет пора заводить кота и упиваться одиночеством. Но внезапно мою родную библиотеку решают снести ради модного гастромаркета! Единственный шанс спасти дело всей моей жизни - найти бесследно исчезнувший дореволюционный архив. И искать его я буду не одна, а в компании бывшего военного топографа. Он чинит вековые замки

швейцарским ножом, умеет слушать и смотрит на меня так, что я вдруг понимаю: моя настоящая жизнь только начинается.

А ты, Толя... даже не думай проситься обратно на свои любимые борщи. Кашу я тебе больше не варю!

В тексте есть: ✓# Взрослые и адекватные герои (50+)
✓# Измена мужа и развод (без грязи, судов и истерик) ✓#
Настоящий, надежный мужчина (не олигарх, но золото!) ✓#
Поиск старинных тайн и легкие приключения ✓# Много вкусной
еды, тонкого юмора и жизнеутверждающего позитива

ХЭ обязателен! История о том, что после пятидесяти можно стать счастливой без магии и пластических операций.

Содержание

Глава 1. Чемоданы, вибрации и сырники	5
Глава 2. Идеальный луковый пирог	17
Глава 3. Приговор пахнет латте на кокосовом	27
Глава 4. Швейцарский нож и старые карты	39
Глава 5. Призрак подвала	51
Глава 6. Лотос на скрипучем паркете (Анатолий)	62
Глава 7. Пирожки для хакера	74
Глава 8. Никаких «платьев мести»	84
Глава 9. Логистика и американо	93
Глава 10. Грязь, джаз и старая «Нива»	102
Глава 11. Монтировка и свет прожектора	110
Глава 12. Пустота под ногами	122
Глава 13. Исповедь под коньяк	132
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Глава 1. Чемоданы, вибрации и сырники

- Клара, пойми, дело совершенно не в тебе. И даже не во мне. Просто мы с Ванессой внезапно оказались на одних вибрациях. Понимаешь? Она видит во мне непробужденную энергию древнего воина. Жизнь проходит, а я только баранку кручу по одному маршруту. Мне нужна искра.

Я стояла, прислонившись плечом к дверному косяку нашей спальни, и с легким, почти антропологическим интересом наблюдала за этим самым древним воином. Древнему воину на прошлой неделе стукнуло пятьдесят восемь. Он носил фланелевую рубашку в ненавязчивую клеточку, имел легкую, но уже не поддающуюся диетам склонность к полноте и водил троллейбус по маршруту номер четыре. Прямо сейчас вся нерастраченная энергия воина была направлена на то, чтобы максимально эргономично уложить вещи в два дорогих, жестких чемодана из поликарбоната. Чемоданы фирмы «Самсонит», насыщенного графитового цвета, я сама же и подарила ему на юбилей три года назад. Кто бы мог подумать, что они послужат комфортабельным транспортом для его переезда в новую, вибрирующую жизнь.

Толик собирался обстоятельно. Никаких театральных швыряний носков в черные мусорные пакеты, никаких ском-

канных футболок или забытых зарядок от телефона. Мой муж всегда отличался бытовой педантичностью, которую я раньше, по наивности, принимала за надежность. Он не был беспомощным инвалидом в собственном доме. Он отлично знал, на какой полке лежат его зимние вещи, и сейчас аккуратно, стопочкой, укладывал на дно чемодана свои хлопковые трусы. Затем бережно, чтобы не помять воротнички, сворачивал рубашки - те самые, которые я еще в среду безупречно выгладила с паром. Рядом с рубашками в боковой карман уютно устроилась начатая упаковка таблеток от изжоги, мазь от радикулита с едким запахом змеиного яда и, конечно же, его любимая ортопедическая подушка с эффектом памяти. Воин воином, а спать на жестком матрасе шейный остеохондроз не позволяет.

За окном мерно, без всякого кинематографического надрыва и ревущих потоков ветра, моросил типичный осенний дождь нашего Зареченска. Мелкие капли лениво сползали по стеклу застекленной лоджии, размывая огни вечернего города. На мне были мои любимые темно-синие джинсы, идеально сидящие по фигуре, и мягкий бежевый кардиган из стопроцентного кашемира, удачно купленный на прошлой весенней распродаже. Я только полчаса назад вернулась с работы из краеведческого отдела Центральной библиотеки. От моих волос все еще едва уловимо пахло книжной пылью, старой паркетной мастикой и крепким черным чаем с чабрецом, который мы с моей коллегой Люсей заваривали в обе-

денный перерыв. Я не была забитой серой мышью в стоптанных тапках, я уважала себя, свой труд и свой гардероб. И, наверное, именно поэтому сейчас, глядя на собирающегося мужа, я не чувствовала ни малейшего желания упасть в обморок, заломить руки или устроить шумную сцену из старого итальянского кино.

- Вибрации, значит, - спокойно произнесла я, скрестив руки на груди. Ткань кардигана приятно согревала кожу. - И как, Толя, сильно вибрирует?

Он замер с парой теплых шерстяных носков в руках и посмотрел на меня с легкой укоризной. В его взгляде читалось откровенное разочарование. Наверное, Ванесса - эзотеричка, коуч по раскрытию женственности и по совместительству пассажирка его троллейбуса, открывшая ему глаза на тайное устройство Вселенной - рассказывала, что расставание непременно должно сопровождаться выбросом мощных энергетических потоков. А я стояла тут, совершенно не излучая ничего, кроме здорового сарказма и легкой усталости после рабочей смены.

- Ты всегда всё обесцениваешь, Клара, - вздохнул он, укладывая носки поверх ортопедических стелек. - Тридцать лет мы прожили, как по расписанию. Завтрак, работа, ужин, телевизор, сон. Никакого духовного роста. Ванесса говорит, что я заблокировал свою истинную сущность в бытовой рутине. Что мне нужно срочно очистить пространство.

- Очищай, - легко согласилась я, отстраняясь от косяка. -

Застегивай чемодан только аккуратнее, там молния иногда заедает на правом углу.

Толик послушно застегнул молнию, щелкнул кодовым замком и выпрямился. В комнате повисла неловкая пауза. Он явно ждал, что я сейчас прегражу ему путь к двери, начну вспоминать молодость, наши поездки на Черное море с маленькой дочкой или, на худой конец, расплачусь, умоляя остаться. Но я молча развернулась и пошла на кухню.

Кухня всегда была моим местом силы, моим личным кабинетом психотерапии, где любые проблемы решались правильным соотношением специй. Здесь пахло кардамоном, чистящим средством с ароматом лимона и жареным маслом. Я подошла к большому белому холодильнику и открыла дверцу. Внутри царил идеальный порядок, который я поддерживала не из маниакального перфекционизма, а просто потому, что любила качественную и вкусную еду. На стеклянных полках ровными рядами стояли лотки с фермерскими яйцами, лежали пучки свежей кинзы, базилика и укропа, в масленке желтел кусок отличного вологодского масла, а в прозрачной кастрюле остывал золотистый куриный бульон. Я всегда считала, что пустой холодильник с одинокой банкой растворимого кофе - это признак тяжелого душевного упадка. У нормальной женщины дома всегда должен быть стратегический запас продуктов на случай внезапных гостей, глобального потепления или, как выяснилось сегодня вечером, ухода мужа к молодой любовнице.

Я достала с верхней полки качественный пластиковый контейнер с плотно прилегающей крышкой. Затем взяла со столешницы чугунную сковороду, на которой под стеклянной крышкой томились вечерние сырники. Я приготовила их сразу после возвращения с работы, пока Толик еще только набирался смелости для своего монолога о вибрациях. Идеальные сырники - это искусство, не терпящее суеты. Творог должен быть сухим, муки - самый минимум, а обжаривать их нужно на смеси растительного и сливочного масел, чтобы корочка получилась хрустящей, а серединка оставалась нежной, как суфле.

Подцепив кулинарной лопаткой четыре румяных, пышных кругляша, я аккуратно переложила их в контейнер. Воздух мгновенно наполнился запахом теплой ванили. Я закрыла крышку до щелчка и направилась в прихожую.

Толик уже выкатил оба чемодана в коридор. Он обул свои демисезонные ботинки на толстой подошве и теперь стоял у зеркала, натягивая легкую осеннюю куртку. Выглядел он немного растерянным. Его взгляд бегал по знакомым виниловым обоям, по рожку для обуви, по деревянной вешалке. Наверное, в этот момент энергия древнего воина дала небольшую трещину, лоб в лоб столкнувшись с реальностью покидаемого многолетнего уюта.

Я подошла к нему и спокойно, без единой дрожи в голосе, протянула контейнер.

Толик машинально взял пластиковую коробочку, моргнул

и непонимающе уставился на меня.

- Что это? - глухо спросил он, переводя взгляд с контейнера на мое лицо.

- Сырники, - ответила я. - Ну-ну, Толя. Иди, ищи свою абсолютную гармонию и распаковывай чакры. Только Ванесса твоя, как ты сам мне как-то рассказывал, питается исключительно праной, сырым шпинатом и смузи из сельдерея. Возьми сырники на дорожку. На одних просветленных вибрациях и медитациях твой застарелый гастрит долго не протянет. А пить пищевую соду по ночам, как ты любишь, вредно для сосудов.

Лицо Толика на секунду вытянулось. Он открыл было рот, чтобы выдать очередную заученную тираду про токсичность моего мышления или про то, что сырой сельдерей отлично очищает карму рода, но запах свежей ванильной выпечки, пробивающийся даже сквозь плотно закрытую крышку, предательски ударил ему в нос. Он нервно сглотнул. В его выцветших голубых глазах мелькнула паника человека, который только что осознал, что обменял пожизненную гарантию горячего, вкусного ужина на абонемент в духовный космос с сомнительным меню.

- Клара... - начал он, и голос его заметно дрогнул. - Ты извини меня, если сможешь. Я правда не хотел, чтобы так вышло на старости лет.

- Ключи оставь на тумбочке, - ровным тоном перебила я, не давая ему скатиться в дешевую сентиментальность. - И

шарф застегни, на улице промозгло. Осень все-таки. Береги горло.

Он покорно вытащил из кармана куртки связку ключей с потертым брелоком в виде автомобильного руля, со звоном положил их на дубовую тумбочку возле зеркала. Затем взялся за выдвижные ручки своих шикарных чемоданов, толкнул тяжелую входную дверь и шагнул в прохладный, пахнущий сырой штукатуркой сумрак подъезда.

- Прощай, Клара, - выдавил он напоследок, не оборачиваясь.

Я ничего не ответила. Просто шагнула вперед и мягко, но твердо закрыла дверь. Щелкнул замок, отсекая прошлое. Я стояла в прихожей и внимательно слушала. Вот лязгнули металлические дверцы нашего старого лифта. Вот натужно загудел изношенный мотор, увозя вниз моего бывшего мужа, его радикулит, его дорогие чемоданы и его новую, искрящуюся жизнь.

В квартире повисла густая, звенящая тишина. Это не была пугающая пустота одиночества, это было похоже на то специфическое чувство, когда ты приходишь в читальный зал библиотеки рано утром, до первых посетителей. Воздух словно замер. Только монотонно тикали большие настенные часы в гостиной, да за окном тихо шелестел по карнизу мелкий, упорный дождь.

Тридцать лет брака. Целая огромная эпоха, уместившаяся в два чемодана на силиконовых колесиках. По негласным

правилам жанра, мне полагалось сейчас сползти по стеночке на коврик, обхватить колени руками и завывать белугой от несправедливости судьбы. Или срочно позвонить нашей дочери Ане в Москву и рыдать в трубку, пугая взрослого ребенка. Или пойти в ванную, включить холодную воду и долго смотреть в зеркало на свои морщинки, жалея безвозвратно потраченную молодость.

Но я не чувствовала подступающих слез. Внутри было странно, непривычно, словно я внезапно оказалась в чужом городе без подробной карты, но паники не было. Было лишь невероятно острое осознание свершившегося факта.

Я машинально поправила носком ботинка сбившийся коврик у порога и медленно пошла обратно на кухню. Включила верхний свет, заливший пространство теплым желтым свечением. Кухня выглядела точно так же, как и десять минут назад, когда здесь еще присутствовал мой статус законной, замужней женщины. На столе лежала забытая Толиком вчерашняя газета с неразгаданными кроссвордами, а рядом стояла его любимая кружка - огромная, нелепая керамическая бадья с дурацкой, наполовину стершейся золотой надписью «Шеф». Эту тяжелую кружку ему подарили коллеги из автопарка лет пятнадцать назад. Я всегда искренне терпеть не могла эту посудину. Она занимала слишком много места в сушилке, из нее было жутко неудобно пить чай, и она вечно оставляла липкие чайные круги на моей чистой скатерти.

Я подошла к столу и внимательно посмотрела на облезлую надпись. «Шеф». Древний воин. Искатель искры и покоритель вибраций.

Дождь за окном чуть усилился, превращая свет уличных фонарей в размытые акварельные пятна. Я провела рукой по гладкой столешнице. Квартира у нас была хорошая, просторная двушка с высокими потолками в крепком кирпичном доме. Эту квартиру я получила в наследство от родителей еще до брака с Толиком, так что делить квадратные метры нам, к счастью, не придется. Никаких позорных судов, никаких унижительных дележек венских стульев и хрустальных салатниц. Вся эта мебель, эти массивные книжные шкафы, забитые подписными изданиями, этот дубовый паркет, который я натирала мастикой дважды в год - все это изначально было моим миром. Толик всегда был здесь немного гостем, уютно устроившимся в предложенном мягком кресле. И вот теперь гость решил сменить отель на более экстравагантный.

Удивительная штука - человеческая память. Когда мы были молодыми, когда Анечка еще ходила в детский сад с огромными бантами, Толик казался мне центром вселенной. Он чинил перегоревшие розетки, приносил зарплату, мы вместе ездили на электричке на дачу сажать эти бесконечные, никому в итоге не нужные кабачки. Нам искренне казалось, что это и есть любовь - совместное, солидарное преодоление бытовых трудностей. А потом Аня выросла, уехала учиться в столицу, вышла замуж за хорошего парня-айтиш-

ника, и мы остались вдвоем. И внезапно оказалось, что без кабачков, ипотек и проверки школьных дневников говорить нам, в общем-то, не о чем.

Мой личный мир сужался до редких, ветхих страниц в краеведческом отделе, где я работала последние двадцать пять лет. Я любила свою работу. Любила восстанавливать историю нашего Зареченска по крупицам, перебирая подшивки старых губернских ведомостей и расшифровывая выцветшие записи метрических книг. Там я была уважаемым профессионалом, человеком, к которому приходили за экспертными знаниями. А переступая порог дома, я неумолимо превращалась в функцию. Клара-жена. Клара-повариха. Клара, которая точно знает, где лежат чистые носки, как оплатить квитанции за свет и где лежит полис обязательного медицинского страхования.

Видимо, Ванесса, с ее модными подкастами по раскрытию первозданной женственности и медитациями на восковые свечи, смогла дать ему то, чего я дать уже категорически не могла - сладкую иллюзию его собственной грандиозности. Иллюзию того, что он не просто уставший мужик с надвигающейся пенсией и больной поясницей, а неразгаданная тайна мироздания. Ну что ж, каждый развлекается как может. Я предпочитала разгадывать тайны градостроительства девятнадцатого века, а он решил разгадывать тайны тибетских поющих чаш. Каждому свое.

Внезапно сквозь пелену легкой растерянности в моей го-

лове пробилась абсолютно четкая, кристально ясная и до безобразия практичная мысль. Я замерла, пораженная простотой этой идеи.

Боже мой. Мне ведь теперь не нужно каждый божий вечер после работы сломя голову забегать в мясной отдел рынка. Мне больше не нужно стоять у горячей плиты и жарить по целой чугунной сковородке котлет, только потому, что мужчина без куска мяса на ужин чувствует себя абсолютно голодным. Мне не нужно варить трехлитровые кастрюли жирного, наваристого борща, который я сама ем разве что раз в месяц под настроение. Мне больше не нужно выслушивать капризные жалобы на то, что изысканная, запеченная с розмарином и лимоном дорадо - это какая-то трава, а не нормальная еда.

Мое время теперь принадлежало только мне. И мой холодильник с его идеальным порядком - тоже.

Я взяла нелепую кружку за толстую ручку. На дне еще оставался темный ободок от недопитого утреннего растворимого кофе, который Толик предпочитал моему свежесваренному эспрессо. Я не стала ее мыть. Я просто открыла дверцу нижнего шкафчика под раковиной и спокойным, абсолютно выверенным движением отправила кружку с надписью «Шеф» прямо в мусорное ведро, поверх картофельных очистков. Тяжелая керамика глухо стукнулась о пластик дна.

Я выпрямилась, отряхнула руки и посмотрела в темное окно. Мой привычный, уютный и предсказуемый мир, стро-

ившийся три десятка лет, только что рухнул, разлетевшись на осколки. Но почему-то в этом новом, разрушенном мире мне вдруг стало подозрительно легко и вкусно дышать.

Жизнь, определенно, только начиналась. И первым делом в этой новой, свободной жизни я собиралась налить себе бокал хорошего сухого вина. Просто потому, что теперь я могла себе это позволить.

Глава 2. Идеальный луковый пирог

- Мам, ты только не вздумай подавлять эмоции, ладно? Это прямой путь к тяжелой психосоматике. Гнев нужно проживать экологично! - голос моей тридцатидвухлетней дочери Ани, пропущенный через динамик телефона, звучал так, словно она зачитывала методичку для начинающих кризисных переговорщиков.

Телефон лежал на кухонном столе, прямо между деревянной перчатницей из карельской березы и пузатой стеклянной банкой с крупной морской солью. За окном занималось влажное, прозрачное осеннее утро. Вчерашний затяжной дождь, наконец, иссяк, оставив после себя до блеска вымытый асфальт во дворе и легкую, почти хрустальную изморозь на чугунных перилах моей застекленной лоджии.

- Анечка, - вздохнула я, зажимая аппарат плечом и одновременно утрамбовывая кофе в рожок моей старенькой, но невероятно верной итальянской кофеварки. - Мой гнев сейчас нуждается не в экологичном проживании, а в щепотке мускатного ореха. Со мной все в абсолютном порядке.

- Мама, ну какое в порядке! - Аня в своей московской квартире, судя по характерному звону посуды, нервно мешала ложечкой свой утренний матча-латте на миндальном молоке. - Папа прислал мне ночью целую простыню текста в мессенджере. Пишет, что он пробудил в себе спящего древ-

него воина, что вы расстались без агрессии, потому что отпустили друг друга в свободный полет к свету. Это же классический газлайтинг! Он пытается переложить ответственность за свою измену на законы Вселенной! Я уже скинула тебе контакт отличного гештальт-терапевта. Она потрясающе работает с травмами предательства и нарушением личных границ.

Я нажала кнопку, и кухня наполнилась густым, успокаивающим гудением помпы, а затем и плотным ароматом свежей арабики. Никакого растворимого суррогата, который так любил наспех заваривать по утрам мой бывший муж.

- Твой отец не умер, Аня, - спокойно ответила я, глядя, как темная, маслянистая струйка эспresso наполняет мою любимую кофейную чашку из тонкого императорского фарфора. - Он просто внезапно уверовал в переселение душ и целебную силу сырого шпината. Это, к сожалению, не лечится у самого лучшего гештальт-терапевта Москвы. Это лечится исключительно временем, осенними сквозняками и неминуемым обострением его застарелого гастрита.

- Ты опять все обесцениваешь, мам. У тебя типичная стадия отрицания, - не унималась дочь. - Тебе нужно дать себе право на слабость. Выплакаться, покричать в подушку, может быть, порвать его фотографии. Выплеснуть боль наружу! Мой психолог говорит, что если держать обиду в теле, она превращается в мышечный панцирь.

- Моя единственная боль прямо сейчас заключается в том,

что мне нужно правильно карамелизовать толстые стебли лука-порей в сливочном масле, чтобы они ни в коем случае не подгорели, - я переставила телефон на широкий подоконник, подальше от плиты. - Целую тебя, милая. Беги на работу к своим айтишникам и не накручивай себя. Вечером спокойно созвонимся.

Я сбросила вызов, оставив Аню наедине с ее современными тревогами, и обернулась к своему царству. Мой большой белый холодильник тихо и довольно урчал в углу кухни. Я открыла его массивную дверцу, окинув хозяйским взглядом свои запасы. Идеальные ряды пластиковых лотков, пучки свежей кинзы в банке с водой, ровные ряды баночек с домашними соусами.

Забавно, что в дешевых мелодрамах брошенные жены обычно обнаруживают в холодильнике одинокую повесившуюся мышь, засохший кусок сомнительного сыра и бутылку дешевого вина, после чего картинно впадают в экзистенциальную тоску на полу. К счастью, моя тоска надежно компенсировалась наличием десятка отличных фермерских яиц с яркими желтками, пузатой стеклянной бутылочки тридцатипроцентных сливок и приличного куса настоящего швейцарского грюйера.

Проснувшись сегодня на два часа раньше привычного звонка будильника из-за внезапно наступившей на второй половине кровати тишины, я решила использовать это время с толком. Этим утром я собиралась испечь классический

французский киш с луком-пореем. Блюдо невероятно вкусное, возмутительно калорийное и абсолютно, категорически неприемлемое для Анатолия Вербова.

Тридцать лет нашего брака не были беспросветным адом, нет. Толик никогда не был домашним тираном, он не стучал кулаком по дубовому столу и не требовал подавать ему тапочки в зубах после смены в автопарке. Он умел сам загрузить стиральную машину и мог сварить себе вполне съедобные пельмени. Но он был носителем классического, неискоренимого мужского консерватизма в еде. Овощной пирог для него был бессмысленным «силосом», сыр с благородной плесенью - «вонючим мылом», а любая рыба, не зажаренная до состояния сухаря в плотном кляре, презрительно именовалась «кошачьей радостью». Еда без отчетливого, солидного куска мяса в его картине мира считалась просто гарниром. И я, как хорошая, правильная жена, долгие годы балансировала между своим желанием кулинарных экспериментов и его фундаментальной потребностью в наваристом борще с салом и макаронах по-флотски.

Я отрезала щедрый кусок ледяного сливочного масла и бросила его в глубокую стеклянную миску с просеянной мукой. Рубленое песочное тесто любит холодные руки и холодный, трезвый рассудок. Разминая твердое масло с мукой в мелкую крошку, я физически ощущала, как из моих плеч уходит нервное напряжение вчерашнего вечера.

Мне совершенно не хотелось плакать. По негласным пра-

вилам жанра брошенная женщина моего возраста должна была сидеть на полу, обхватив колени, и рыдать о безвозвратно потерянной молодости. Или с остервенением кромсать кухонными ножницами галстуки и рубашки неверного супруга. Но кромсать рубашки, которые я же сама позавчера безупречно выгладила с паром, стоя у гладильной доски? Это не психологический катарсис, это глупый бытовой вандализм и откровенное неуважение к собственному труду. Я уважала себя слишком сильно, чтобы портить хорошие вещи из-за чужой глупости.

Я скатала готовое тесто в упругий, гладкий шар, завернула его в пищевую пленку и убрала в холодильник отдохнуть. Теперь лук. На тяжелой чугунной сковороде, доставшейся мне еще от бабушки, тихо зашипела смесь качественного сливочного и оливкового масел. Я высыпала туда нарезанные толстыми кольцами светлые стебли порея. Кухня мгновенно наполнилась густым, сладковатым, обволакивающим ароматом. Этим запахом пропиталось все: мои волосы, льняные занавески, деревянная столешница, сам утренний воздух. Это был запах моей новой, единоличной территории, где мне больше не нужно было ни под кого подстраиваться.

Интересно, подумала я, помешивая лук деревянной лопаткой, чем именно сейчас завтракает мой новоявленный древний воин? Его эфирная Ванесса, как он сам мне рассказывал с благоговением в голосе, питается исключительно зелеными боулами, сырой морковью и доставками веганской

еды. Я живо представила картину: мой Толик, тридцать лет привыкший к горячей молочной овсянке со сливочным маслом или яичнице из трех фермерских яиц с докторской колбасой, грустно жует пророшенную пшеницу, сидя на жесткой бамбуковой циновке. И его колени. О, его бедные, многотрадальные колени! Водителю троллейбуса с его развивающимся артритом категорически противопоказаны утренние сквозняки новостроек и сидение на холодном полу в позе лотоса.

От этой внезапно нарисовавшейся в голове картины мне стало даже не злорадно, а просто легко и смешно. Мужчина, с которым я делила квитанции за коммуналку, поездки на дачу к пресловутым кабачкам и долгий выбор моющихся обоев для коридора, вдруг превратился в комичного персонажа из чужого, довольно плохо написанного спектакля. Он не стал для меня абсолютным злодеем, он просто стал чужим.

Я достала отдохнувшее тесто из холодильника, тонко раскатала его скалкой и уложила в рифленую керамическую форму, аккуратно прижимая нежные края пальцами. Затем ровным слоем выложила золотистый, карамелизованный порей, отдавший маслу весь свой сок. В отдельной глубокой пиале я энергично взбила венчиком яйца со сливками, добавила щепотку соли, немного свежемолотого черного перца и тот самый спасительный мускатный орех. Вылила густую заливку на лук и щедро засыпала все это великолепие натер-

тым грюйером. Духовка уже была разогрета до нужной температуры. Пирог отправился внутрь, а я уселась на скрипучий деревянный табурет с чашкой уже немного остывшего эспresso.

В квартире стояла потрясающая, глубокая акустика свободного пространства. В ней не было вакуума одиночества, в ней было место для меня. Никто не бубнил утренние политические новости по телевизору в гостиной, делая звук громче раздражающего предела. Никто не кряхтел в ванной, ругаясь на то, что тюбик с дорогой зубной пастой опять выдавлен с середины, а не с конца. Никто не оставлял мокрые следы сорок третьего размера на чистом кафеле в коридоре.

Я посмотрела на пустую металлическую сушилку над раковиной. Вчера вечером я выкинула в мусорное ведро огромную, уродливую керамическую кружку с облезлой золотой надписью «Шеф», которую Толик обожал всем сердцем. И теперь на сушилке ровными рядами стояли только мои элегантные, тонкостенные чашки с легким цветочным узором. В этом маленьком, незначительным бытовом факте скрывалась такая колоссальная, осязаемая свобода, что у меня слегка закружилась голова.

Мне пятьдесят шесть лет. У меня отличная, теплая квартира с высокими потолками в хорошем кирпичном доме. У меня взрослая, самостоятельная дочь, живущая своей жизнью в столице. У меня нет ни малейшего желания срочно бежать к косметологу, чтобы колоть в лицо модную гиалуроно-

вую кислоту, или покупать обтягивающие леопардовые платья, чтобы кому-то доказать свою женскую состоятельность. Я просто хочу жить. Вкусно, осмысленно, спокойно и исключительно по своим правилам.

Спустя сорок минут таймер духовки издал мелодичный, короткий дзинь. Я надела плотные тканевые прихватки и вытащила форму на деревянную подставку. Киш был идеален, как с обложки кулинарного журнала. Тесто схватилось аппетитной, хрустящей румяной корочкой, а сырно-сливочная начинка слегка подрагивала в центре, выпуская легкие облачка горячего, одуряюще вкусного пара. Я не стала дисциплинированно ждать, пока он полностью остынет, как того строго требовали правила французской гастрономии. Взяла нож, отхватила себе солидный, дымящийся треугольный кусок и переложила на плоскую тарелку.

Первый укус был похож на долгожданное возвращение домой после утомительного путешествия в плацкартном вагоне. Рассыпчатое песочное тесто буквально таяло во рту, деликатная сладость порея идеально оттенялась пикантной, ореховой соленостью расплавленного грюйера. Это было не невротическое заедание стресса у открытой дверцы холодильника. Это был акт моего личного гурманского самоуважения. Я съела кусок до последней крошки, выпила остатки терпкого кофе и аккуратно помыла за собой тарелку губкой с лимонным средством. Раковина снова сияла чистотой.

Пора было собираться на работу. Я прошла в свою свет-

люю спальню и открыла дверцы платяного шкафа. Взгляд скользнул по деревянным вешалкам. Никакой воображаемой «брони», никаких жалких попыток выглядеть на миллион долларов в отместку загулявшему бывшему. Я просто выбрала то, в чем мне было комфортно: мягкие темно-коричневые вельветовые брюки прямого кроя, свободную белую блузку из качественного плотного хлопка и свой любимый вязаный шерстяной жилет глубокого винного цвета. На ноги - удобные, разношенные кожаные лоферы на плоской подошве. В элегантную роговую оправу очков я еще в прошлом году вставила хорошие дорогие линзы, так что взгляд мой был ясным и четким. Я сбрызнула запястья каплей терпкого парфюма с нотами ветивера и бергамота, взяла с тумбочки свою объемную кожаную сумку и вышла в прихожую.

Щелкнул замок тяжелой входной двери. Я спускалась по лестнице, прислушиваясь к знакомым звукам старого дома, и чувствовала в груди странное, щекочущее предвкушение.

Впереди меня ждал мой любимый город Зареченск, омытый ночным дождем и пахнувший прелой осенней листвой. Меня ждала Центральная библиотека с ее высокими сводчатыми потолками и скрипучими деревянными лестницами. Меня ждал мой краеведческий отдел в полуподвале, пахнувший старой паркетной мастикой, высохшим канцелярским клеем и благородной пылью столетий. Там, среди пожелтевших подшивок губернских ведомостей за тысяча девятьсот пятый год и толстых метрических книг, все было надежно

задокументировано, расшифровано и разложено по правильным полочкам.

Я шла к остановке утреннего трамвая, плотнее запахивая легкое осеннее пальто и улыбаясь собственным мыслям. Библиотека всегда была моим настоящим местом силы, моим тихим, уютным и понятным миром. Там царила вечная, монументальная стабильность, проверенная временем.

Мне предстоял прекрасный, продуктивный и абсолютно предсказуемый рабочий день. Я была в этом совершенно уверена. И, выходя на залитую прохладным светом улицу, я самонадеянно полагала, что на ближайшую пятилетку лимит внезапных жизненных катастроф для меня полностью исчерпан.

Глава 3. Приговор пахнет латте на кокосовом

- Ты бы ему еще рубашки на прощание погладила! А, погоди, ты же их погладила! - Люся Каблукова возмущенно всплеснула руками, едва не выронив надкушенный кусок моего утреннего лукового пирога. - И сырников в дорогу напекла! Клара, ты не женщина, ты мать Тереза с ярко выраженным кулинарным уклоном. Это же надо было так бездарно отпустить мужика!

Голос моей коллеги, бессменной заведующей читальным залом, гулко отражался от высоких сводчатых потолков краеведческого отдела. Люся мерила шагами старинный дубовый паркет, и ее каблуки выбивали ритмичную, воинственную дробь. На ней был накинут широкий палантин невероятной расцветки, напоминающей оперение встревоженного тропического попугая, а губы были плотно накрашены фирменной рубиновой помадой. Люся была из той породы женщин, которые искренне считают, что любой жизненный кризис нужно встречать при полном параде, желательно с бокалом чего-нибудь крепкого в одной руке и скалкой в другой. Три ее собственных развода сопровождались грандиозным битьем посуды и публичным разделом совместно нажитых хрустальных салатниц. Мое тихое, почти дипломатическое

расставание с Толиком не укладывалось в ее картину мира.

- Сырники были отличные, - спокойно ответила я, не отрывая взгляда от стола. - Творог суховат, но я компенсировала это каплей жирных сливок. А киш с пореем, который ты сейчас ешь, вообще получился идеальным. И я не мать Тереза, Люся. Я просто рациональный человек.

Я сидела за своим рабочим столом, одетая в удобные коричневые вельветовые брюки, свежую белую блузку и винный шерстяной жилет. Свое легкое осеннее пальто я аккуратно повесила в шкаф еще полчаса назад, как только спустилась в отдел. В нашем полуподвале, расположенном в историческом крыле Центральной библиотеки Зареченска, царил прохладный, но уютный микроклимат. Сквозь высокие, наполовину уходящие под землю окна пробивались лучи утреннего солнца, высвечивая в воздухе медленно танцующие золотистые пылинки. Вчерашний затяжной дождь оставил после себя лишь влажный блеск на асфальте внутреннего двора, и теперь погода стояла ясная, хрустящая, по-настоящему осенняя.

Я взяла костяной медицинский шпатель - мой любимый инструмент для тонкой реставрации - и аккуратно, миллиметр за миллиметром, начала наносить специальный прозрачный клей на надорванный корешок тяжелого тома «Списков населенных мест губернии за тысяча восемьсот девяносто первый год».

- Рациональный человек! - фыркнула Люся. Она остано-

вилась возле моего стола, проглотила остатки пирога и сдула со щеки несуществующую крошку. От нее приятно пахло дорогой пудрой и терпким черным чаем с чабрецом, который она только что заварила в пузатом фарфоровом чайнике. - Твой благоверный на старости лет поехал кукушкой. Ушел к какой-то девице, которая питается подорожником и прочищает чакры через космос, а ты ему вещички в чемоданчик складываешь! Клара, где твой праведный гнев? Где битье тарелок об его седеющую голову? Ты должна была вышвырнуть его пожитки в мусорных мешках на лестничную клетку, чтобы соседи видели!

- И зачем? - я отложила шпатель и посмотрела на подругу поверх роговой оправы очков. - Чтобы потом самой же подметать осколки тарелок с чистой кухни? Знаешь, Люся, скандал - это как переваренная паста. Выглядит объемно, а на вкус - отвратительная склизкая масса, не приносящая никакого гастрономического удовольствия. Толик принял решение. Я его приняла. Моя энергия сейчас гораздо нужнее вот здесь.

Я мягко похлопала ладонью по потертому кожаному переплету старинного справочника. Библиотека была моим настоящим домом, моим личным местом силы. Толик, его возрастные метания, его внезапно проснувшийся «древний воин» и сыроедческие диеты его новой пассивности казались мне сейчас чем-то бесконечно далеким, как проблемы вымершего племени майя. Здесь, среди высоченных дубовых стелла-

жей с пожелтевшими метрическими книгами, в густых запахах паркетной мастики, старой бумаги и высохшего клея ПВА, я чувствовала себя абсолютно живой и нужной. Я знала каждую карточку в нашем деревянном каталоге. Я могла с закрытыми глазами найти план застройки Зареченска эпохи императора Александра Второго или выудить из архива трогательные письма местного купца к своей молодой жене. Это был мой мир, надежный, предсказуемый и невероятно красивый в своей академической стабильности. В нем не было места предательству, потому что история не умеет изменять.

- Ты невозможная женщина, Вербова, - вздохнула Люся, окончательно сдаваясь. Она поправила свой цветастый палантин и направилась к чайнику. - Ладно, святая ты наша. Будешь чай? Я сегодня заварила тот самый, крупнолистовой. Нам нужно как-то пережить этот день. У меня с самого утра тянет поясницу, а это верный признак того, что ретроградный Меркурий еще не закончил свои издевательства над нашим отделом.

Люся оказалась права. Ретроградный Меркурий, или какой там еще астрологический паразит отвечает за внезапные жизненные катастрофы, уже стоял прямо на пороге нашего читального зала.

Тяжелая дубовая дверь, ведущая из светлого коридора в наш полуподвал, с протяжным, жалобным скрипом отворилась. Мы с Люсей синхронно повернули головы, ожидая увидеть нашего постоянного утреннего посетителя - глуховато-

го пенсионера Семена Марковича, который годами приходил листать подшивки губернских ведомостей. Но на пороге стоял совершенно другой человек.

Это был молодой мужчина лет тридцати пяти. Одет он был с той подчеркнутой, выверенной небрежностью, которая стоит очень больших денег: идеальное кашемировое пальто песочного цвета, зауженные темные джинсы и дорогие замшевые ботинки на толстой светлой подошве. В одной руке он держал тонкий планшет последней модели, а в другой - большой картонный стаканчик с кофе из популярной сетевой кофейни, расположенной на соседней улице.

Он шагнул внутрь, и благородный, выдержанный десятилетиями запах нашей библиотеки мгновенно отступил под натиском агрессивного, химически-сладкого аромата. Пришелец принес с собой резкий запах кокосового сиропа, пережженного эспрессо и терпкого мужского парфюма. Этот запах был наглым, чужеродным, он абсолютно не вписывался в атмосферу высоких сводов и пыльных фолиантов.

- Доброе утро, - произнес он дежурным, отлично поставленным голосом. Он даже не смотрел на нас. Его взгляд, холодный и сканирующий, блуждал по облупившейся лепнине на потолке, по рядам старинных картотечных шкафов, словно он мысленно делил это пространство на квадратные метры. - Вы, я полагаю, заведующая краеведческим отделом Клара Николаевна Вербова? А вы - Людмила Каблукова?

- Допустим, - медленно произнесла я, поднимаясь из-за

стола. Люся замерла с фарфоровым чайником в руках, ее тонко выщипанные брови подозрительно поползли вверх.

- Департамент имущественных отношений и градостроительства, - мужчина наконец посмотрел на меня, не утруждая себя тем, чтобы назвать свое имя. Он сделал еще один шаг вглубь зала, слегка поморщился, словно наступил в лужу, и продолжил: - Я здесь, чтобы официально уведомить вас о результатах комплексного городского аудита.

Он говорил гладко, словно зачитывал заученный текст на презентации перед акционерами. Никакой злобы, никакого явного хамства - просто абсолютное, непробиваемое равнодушие эффективного менеджера, для которого вековые книги и людские судьбы были лишь мешающей строчкой в таблице расходов.

- И что же показал ваш аудит? - я скрестила руки на груди. Ткань жилета приятно согревала, но по спине все равно пробежал неприятный холодок. Моя интуиция редко ошибалась, и сейчас она била во все колокола.

- Он показал, Клара Николаевна, что содержание этого помещения обходится городскому бюджету неоправданно дорого, - чиновник сделал глоток из своего бумажного стаканчика, скривившись от слишком горячего напитка. На его верхней губе осталась нелепая белая пенка, которую он брезгливо стер большим пальцем. - Ваш отдел нерентабелен. Посещаемость практически нулевая, если не считать пары сумасшедших краеведов. Поймите правильно, это шикарное

помещение в самом центре города. Исторический кирпич, высокие потолки, отличная локация с отдельным входом. Мэрия приняла решение об оптимизации городского пространства.

- Оптимизации? - эхом отозвалась Люся. Ее обычно звонкий голос предательски дрогнул и осел. Чайник в ее руках мелко затрясся, звякая крышечкой.

- Именно. Здание Центральной библиотеки передается в долгосрочную аренду пулу частных инвесторов. Здесь будет проведена масштабная реконструкция. На верхних этажах разместится креативный коворкинг для IT-сектора, а здесь, в вашем подвале, откроется модный гастромаркет. Понимаете концепцию? Фермерские бургеры, точки с крафтовым пивом, открытая кухня, неоновые вывески на фоне старой кирпичной кладки. Это привлечет молодежь, это вдохнет в Зареченск новую жизнь.

Он говорил о бургерах и крафтовом пиве так вдохновенно, словно сообщал нам формулу лекарства от всех болезней. Я медленно перевела взгляд на дубовые стеллажи. Там, в картонных папках, хранились тысячи документов. Планы эвакуации госпиталей во время войны, списки репрессированных, дневники тех, кто строил этот город голыми руками. Единственное доказательство того, что до нас здесь была настоящая жизнь. И теперь вся эта память должна была уступить место неоновым вывескам и липкому запаху жареного во фритюре лука.

- А что будет с фондами? - мой голос звучал пугающе ровно, почти механически. - И с нами?

- Фонды, не представляющие особой федеральной ценности - а у вас тут в основном макулатура местного значения, - подлежат списанию, - будничным тоном ответил чиновник, постукивая ухоженным ногтем по экрану своего планшета. - Остальное, что представляет хоть какой-то интерес, поедет на дальний склад временного хранения в промзону, за кольцевой дорогой. Что касается персонала... Ваши ставки, увы, попадают под полное сокращение. Вы обе, насколько я успел посмотреть по кадровым документам, уже достигли пенсионного возраста. Город выплатит вам все положенные по закону выходные пособия. Считайте это выходом на заслуженный, комфортный отдых.

Он подошел к моему рабочему столу и небрежно бросил на него тонкую пластиковую папку с официальным бланком мэрии, украшенным синей печатью.

- Здесь официальное предписание. У вас есть ровно два месяца на то, чтобы упаковать архивы и полностью освободить помещение. В понедельник придут инженеры и замерщики от инвестора, прошу оказать им содействие и не мешать. Всего доброго, дамы. Не смею больше отвлекать.

Сказав это, он сделал последнее, что окончательно и бесповоротно переполнило чашу моего терпения. Он допил свой кофе и, даже не глядя вниз, швырнул пустой картонный стаканчик с пластиковой крышкой прямо в мою мусорную

корзину, стоявшую возле стола. В корзину, в которую я только сегодня утром, придя на работу, заботливо вложила чистый, плотный, пахнущий свежим пластиком мусорный пакет.

Тяжелая дубовая дверь снова протяжно скрипнула, и чиновник исчез в коридоре, оставив после себя шлейф приторного сиропа и звенящую, тяжелую, почти осязаемую тишину разрушения.

Люся медленно, словно у нее разом отказали все суставы, опустилась на жесткое сиденье венского стула. Остывающий чайник так и остался стоять на столе. Вся ее боевая, цветастая уверенность, весь ее сарказм испарились в одно короткое мгновение. Лицо под ярким слоем пудры стало пепельно-серым.

- Вот и все, Кларка, - прошептала она, глядя стеклянным взглядом в пустоту перед собой. - Оптимизировали нас с тобой. На свалку. А на нашем месте будут жевать котлеты с булками. Знаешь что? К черту все это. Давай-ка закроем читальный зал. Прямо сейчас. Я повешу на дверь табличку «Санитарный день», а сама достану из нижнего ящика железного сейфа тот армянский коньяк, который мы берегли на юбилей отдела. Напьемся как грузчики. А завтра тихо начнем собирать картонные коробки. Пора на дачу, Вербова. Отработали свое.

Я стояла абсолютно неподвижно, глядя на папку с предписанием. Внутри меня не было ни слез, ни паники, ни жа-

лости к себе. Вчера вечером, когда уходил Толик с чемоданами, я почувствовала лишь легкое недоумение и странное, щекочущее предвкушение свободы. Мой брак давно изжил себя, и я отпустила его без сожалений. Но сейчас, глядя на свой разоренный, приговоренный мир, я чувствовала кое-что совершенно иное.

Это был чистый, холодный, кристально ясный гнев. Гнев профессионала, чью жизнь и чей многолетний, кропотливый труд какой-то мальчик в дорогом пальто только что назвал «пылесборником».

Я не собиралась устраивать истерики, рыдать на плече у подруги или бить тарелки. Я была системным, взрослым человеком. А система, как известно, всегда бьет эмоции.

Я молча обошла стол, наклонилась и двумя пальцами безгласно достала из своей девственно-чистой мусорной корзины липкий стаканчик из-под кокосового латте. Вышла в коридор, выбросила его в большую общественную железную урну у лестницы, восстанавливая нарушенный порядок на своей личной территории. Вернулась в зал, подошла к столу Люси и решительно отодвинула от нее заварочный чайник.

- Никакого коньяка, Люся, - произнесла я твердым, командным голосом, от которого моя боевая подруга даже вздрогнула и растерянно подняла на меня глаза. - И никаких дач с рассадой. По крайней мере, пока я сама этого не захочу.

Я подошла к ближайшему дубовому стеллажу и положила

обе руки на холодную, шершавую кожу старинных переплетов. Бумага под пальцами казалась живой, теплой.

- По уставу об исторических архивах и строгим правилам инвентаризации, - продолжила я, чеканя каждое слово в наступившей тишине, - перед тем как передать фонды на любой городской склад, мы обязаны провести полную сверку. Полистную. С составлением подробных актов физической сохранности на каждый отдельный документ. В нашем отделе, Люся, сорок две тысячи единиц хранения. Плюс картотека. Плюс микрофильмы. Плюс ветхие газетные подшивки начала прошлого века.

Люся непонимающе заморгала, ее накрашенные губы открылись.

- Клара, ты в своем уме? - слабо пискнула она. - Нас же всего двое! Это же работа на несколько лет непрерывного труда!

- Именно, - я медленно поправила сползшие очки на переносице и посмотрела на подругу взглядом, не терпящим абсолютно никаких возражений. - Если эти эффективные менеджеры хотят нас выселить ради крафтового пива, мы устроим им самую медленную, самую дотошную и самую законную бюрократическую осаду в новейшей истории этого города. Я заставлю их захлебнуться в наших актах, протоколах и описях. А пока они будут ждать и беситься в коридорах, мы найдем способ доказать, что это историческое здание трогать нельзя.

Я пока не знала, как именно я это сделаю. У меня не было ни связей в мэрии, ни богатых покровителей-инвесторов, ни чудесной волшебной палочки. У меня был только костяной шпатель для реставрации, баночка клея ПВА и сорок тысяч старых книг. Но отдавать свой дом, свою память и свою жизнь без боя я не собиралась.

Моя настоящая, свободная жизнь началась только вчера вечером. И я планировала прожить ее на своих собственных условиях.

Глава 4. Швейцарский нож и старые карты

Я решительно отняла руки от старинных переплетов на стеллаже, пересекла читальный зал и подошла к нижним ящикам своего рабочего стола. Хлоп! Тяжелый, переплетенный в потертый советский коленкор том инвентарного учета с глухим, веским стуком опустился на столешницу. Звук получился почти торжественным. Он эхом прокатился под высокими сводчатыми потолками нашего полуподвала, заставив дремавшую в углу пыль тревожно закружиться в косых лучах утреннего солнца.

- Начнем с самого сложного, - абсолютно спокойно произнесла я, открывая первую страницу огромной амбарной книги. От нее привычно пахнуло кисловатой бумагой, сухим столярным клеем и старой штемпельной краской. - С дореволюционного фонда.

Люся, так и не вставшая с жесткого венского стула после ухода чиновника, нервно вздрогнула. Ее обычно яркое, воинственное лицо, обрамленное цветастым палантином, сейчас выглядело непривычно растерянным. Она машинально поправила свои массивные пластиковые бусы и посмотрела на меня так, словно у меня внезапно выросла вторая голова.

- Клара, ты издеваешься? - хрипло спросила подруга, и

ее фирменная рубиновая помада на губах показалась сейчас единственным ярким пятном в померкшем мире. - Какой дореволюционный фонд? Нас только что выкинули на свалку истории ради котлет с булками. Нам нужно паковать свои кружки, искать коробки и, возможно, звонить знакомым юристам, а не пересчитывать старые газеты!

- Юристы стоят денег, которых у нас с тобой нет, - я выдвинула верхний ящик стола и достала толстую пачку девственно чистых бланков актов физической сохранности. - А вот бюрократия, Люся, абсолютно бесплатна, и при правильном, грамотном применении она поистине смертоносна. Это как сложный маринад для очень жесткого мяса: требует времени, адского терпения и правильного баланса кислот. Если мы просто начнем собирать коробки, нас вышвырнут отсюда через две недели. Втихую. Но если мы будем строго соблюдать ГОСТ по передаче исторических архивов... Мы составим подробный акт на каждый ветхий лист. На каждую надорванную страницу губернских ведомостей. На каждую учетную карточку.

Я пододвинула к ней поближе стопку бланков и хорошую шариковую ручку.

- Пиши. Я буду диктовать шифры, а ты - заполнять графы физического состояния. И пусть мэрия попробует обвинить нас в халатном отношении к городскому имуществу или ускорить процесс без подписей. Сорок две тысячи единиц хранения. Пока мы не закончим сверку, ни один прораб не

имеет права вбить здесь хотя бы один гвоздь или тронуть дубовый паркет.

Люся недоверчиво посмотрела на бланки, потом перевела взгляд на меня. В ее глазах медленно, пробиваясь сквозь пелену первоначального шока и отчаяния, начало проступать хищное понимание. Она всегда любила хорошую драку, просто сегодня ее слишком быстро и подло сбили с ног. Подруга решительно взяла ручку, звонко щелкнула кнопкой и молча кивнула.

Мы успели заполнить ровно три акта на ветхие метрические книги Вознесенского собора, когда тяжелая входная дверь нашего полуподвала издала свой фирменный, затяжной скрип.

Мы с Люсей синхронно подняли головы, внутренне сжавшись. Я мысленно приготовилась увидеть триумфальное возвращение лощеного мальчика из мэрии, забывшего свой электронный планшет, или, чего доброго, передовой отряд замерщиков с лазерными рулетками. Но на пороге стоял совершенно другой человек.

Это был высокий, подтянутый мужчина лет шестидесяти. Одет он был не в нелепый строгий костюм, который так любят носить наши провинциальные начальники, желающие казаться столичными воротилами, и не в растянутый, пропахший нафталином свитер типичного пенсионера. На нем была добротная, явно дорогая трекинговая куртка цвета темного хаки со множеством функциональных карманов,

плотные темные джинсы и отличные непромокаемые ботинки. На толстой рифленой подошве ботинок поблескивала влага - следы утренних луж, щедро оставленных вчерашним затяжным дождем на исторической брусчатке нашего внутреннего двора.

Мужчина переступил порог, снимая через голову легкий серый шарф. В читальный зал, еще десять минут назад нагло отравленный химическим запахом кокосового сиропа и пережженного эспresso, вдруг ворвался совершенно иной аромат. Это был запах трезвой, прохладной осени, озона, мокрой хвои и едва уловимая, благородная нотка хорошего трубачного табака. Мой нос, привыкший к тонким запахам старой бумаги и специй на кухне, мгновенно уловил эту перемену. Пространство словно очистилось.

- Доброе утро, дамы, - произнес он. Голос у него оказался глубоким, ровным и на удивление спокойным. Никакой суеты или заискивания. Он окинул внимательным взглядом наши высоченные дубовые стеллажи, и в его серых глазах мелькнуло неподдельное, читаемое уважение - так смотрят на старого, заслуженного мастера, а не на пыльный склад макулатуры.

- Доброе, - осторожно ответила я, поднимаясь из-за стола. Мои вельветовые брюки чуть шурхнули при движении. - Читальный зал пока работает в штатном режиме. Чем могу помочь?

Мужчина подошел ближе. Он двигался уверенно, но мяг-

ко, без той раздражающей хозяйской тяжести, с которой обычно входят в казенные учреждения проверяющие.

- Меня зовут Коновалов. Борис Николаевич, - он слегка склонил голову в вежливом приветствии. - Я приехал из столицы буквально на несколько недель. В областном архиве мне настоятельно посоветовали обратиться именно в ваш отдел. Меня интересуют подробные дореволюционные кадастровые планы Зареченского уезда. В частности, все, что касается размежевания земель, принадлежавших купцам Каблуковым в период с тысяча девятьсот пятого по тысяча девятьсот пятнадцатый год.

На фамилии «Каблуковы» Люся, до этого момента изображавшая старательную работу с инвентарными бланками, резко вскинула голову. Ее глаза округлились, она явно собиралась выдать длинную и эмоциональную тираду о своих купеческих корнях и о том, что это ее прямой прапрадед построил в городе первую каменную больницу. Но я мягко, однако весьма красноречиво посмотрела на подругу поверх роговой оправы очков, перехватывая инициативу. Сейчас мне был нужен заинтересованный читатель, а не генеалогический диспут с элементами театральной драмы.

- Каблуковы. Планы уезда, - я задумчиво потерла подбородок, мысленно сканируя многоуровневую структуру нашего архива. Мой мозг, несмотря на стрессовое утро, работал четко и слаженно. - Да, разумеется. У нас есть оригинальные генеральные планы межевания за этот период. Картоте-

ка дореволюционного фонда находится в третьем ряду. Прошу вас, Борис Николаевич, пройдемте со мной.

Я вышла из-за стола и направилась к дальней стене зала, где высились монументальные, потемневшие от времени дубовые шкафы каталогов. Это была одновременно моя главная гордость и моя личная головная боль. Библиотечная мебель тысяча девятьсот десятого года постройки выглядела потрясающе, пережила революцию и две войны, но ее механика давно жила своей, совершенно отдельной жизнью.

Борис Николаевич послушно последовал за мной. Я остановилась у нужной деревянной секции, безошибочно найдя взглядом табличку с выцветшей литерой «К».

- Нам нужен вот этот ящик, - я взялась за потемневшую латунную ручку с прорезью для картонного ярлыка и уверенно потянула на себя.

Ящик не поддался. Я потянула немного сильнее, чуть сдвинув его вправо, как обычно делала в таких случаях, чтобы обойти перекося древесины, но старый механизм, видимо, решил именно сегодня проявить скверный характер. Внутри глухо щелкнул фиксатор, и ящик намертво заклинило в деревянных пазах. Я тихо выдохнула сквозь сжатые губы. Знакомая история. Мой бывший муж Толик, когда я изредка жаловалась ему дома на библиотечные бытовые трудности, всегда закатывал глаза и нудно ворчал, что эту рухлядь давно пора разломать топором и купить нормальные, практичные пластиковые комоды. Идея починить деревянный ящик или

смазать направляющие воском в его картину мира просто не входила.

Я приготовилась применить силу, рискуя сломать ноготь или окончательно доломать антикварную вещь, но Борис Николаевич вдруг сделал полшага вперед.

- Позвольте? - вежливо, без всякого снисходительного мужского превосходства спросил он. В его тоне не было этого классического, раздражающего «отойди, женщина, я все решу лучше тебя». Только деликатное предложение посильной помощи.

- Буду крайне признательна. Его иногда клинит от перепадов осенней влажности, - я отступила на шаг, уступая ему место.

Борис не стал с остервенением дергать латунную ручку. Он спокойно запустил правую руку в карман своей куртки и извлек на свет увесистый, слегка потертый по краям швейцарский нож с фирменными красными накладками. Легким движением большого пальца он откинул короткое плоское лезвие, заменяющее отвертку. Наклонившись к массивному дубовому каталогу, он внимательно осмотрел зазор. Затем аккуратно, почти нежно вставил стальной инструмент в тонкую щель между ящиком и несущей рамой.

- Вековой дуб и старая латунь требуют чуть больше уважения, чем современная заводская штамповка, - негромко произнес он, чуть провернув нож с едва уловимым нажимом. - Они как пожилые, заслуженные аристократы. Категориче-

ски не терпят суеты и грубой физической силы. Только точечное, деликатное воздействие в нужном месте.

В глубине шкафа раздался сухой, послушный щелчок. Борис убрал нож обратно в карман и легко, одним указательным пальцем, плавно выдвинул длинный деревянный ящик, доверху набитый плотными пожелтевшими карточками.

- Готово, - он обернулся ко мне, и в уголках его глаз собрались теплые, ироничные морщинки.

Я почувствовала странный, давно забытый укол искренней симпатии. В его действиях была та самая тихая, уверенная мужская компетентность, которая совершенно не нуждается в публичном самоутверждении. Он просто увидел локальную проблему, хладнокровно оценил ее и изящно устранил, не пытаясь прочитать мне лекцию о том, как устроен мир или как неправильно я храню архивы. Это подкупало гораздо сильнее, чем любые пустые комплименты.

- Спасибо за ювелирную работу, - я ответила ему такой же легкой полуулыбкой и погрузила пальцы в картотеку. Знакомый, шершавый картон скользил под подушечками пальцев. - Так, тысяча девятьсот пятый год... тысяча девятьсот девятый... Ага. Вот они. Шифр тридцать восемь-бис. Подождите буквально пару минут за большим столом, я принесу тубусы из нижнего хранилища.

Спустя пять минут мы с Борисом Николаевичем уже стояли над огромным, застеленным зеленым сукном столом в самом центре читального зала. Я принесла длинный картон-

ный тубус, крышка которого была покрыта слоем благородной серой пыли. Осторожно сняв жестяную заглушку, я извлекла на свет плотный рулон старой, хрустящей бумаги.

Это всегда был мой самый любимый момент в работе. Разворачивание старинных карт сродни нарезке свежего, еще обжигающе горячего домашнего хлеба - ты никогда не знаешь наверняка, какой именно узор кроется внутри, но само предвкушение всегда прекрасно.

Бумага была капризной, пересохшей от времени. Борис, словно прочитав мои мысли, взял со стола тяжелые латунные библиотечные гирьки и плавно, без лишних слов, помог мне прижать непокорные, норовящие свернуться обратно края карты к сукну. Наш импровизированный рабочий танец в четыре руки оказался на удивление слаженным.

Перед нами раскинулся подробнейший генеральный план Зареченского уезда тысяча девятьсот двенадцатого года. Тонкая, изящная паутина рек, нарисованная выцветшей синей тушью, идеальная штриховка лесных массивов, ровные прямоугольники земельных наделов с каллиграфическими, выведенными пером подписями. Это было настоящее произведение искусства.

- Какая невероятная, филигранная детализация, - Борис склонился над картой, опираясь костяшками пальцев о стол. От него снова приятно пахло табаком и морозной свежестью. - Подумать только... Никакой спутниковой навигации, никаких дронов. Только теодолиты, нивелиры и потрясаю-

щий уровень пространственного мышления.

- Вы настолько хорошо разбираетесь в картографии? - поинтересовалась я, профессионально скользя взглядом по пометкам на полях. Мой указательный палец безошибочно остановился на крупном секторе в правом верхнем углу. - Вот они, интересующие вас земли Каблуковых. Три крупные пустоши, заливные луга вдоль реки и большой участок, специально отведенный под строительство загородной усадьбы. Триста восемьдесят десятин земли.

- Скажем так, я посвятил этому ремеслу большую часть своей жизни, - он внимательно проследил за моим пальцем. - Я военный топограф на пенсии. Привык работать с рельефом, почвами и расстояниями. Мой родной прадед когда-то служил старшим управляющим в загородном имении этих самых купцов. У меня появилось свободное время, вот я и решил на досуге заняться семейной историей. Узнать, так сказать, откуда растут корни. У вас здесь потрясающе организован фонд, Клара Николаевна. В столичных архивах иногда неделями ждешь нужную бумагу, а вы ориентируетесь в этих верстах и саженьях, как в собственной уютной гостиной.

Комплимент был сугубо профессиональным, лишенным пошлого флирта, но от этого вдвойне ценным. Я не стала жеманничать или скромно опускать глаза в пол. Я прекрасно знала цену своему кропотливому труду и своему архиву.

- Спасибо, Борис Николаевич. Я работаю с этими документами ровно двадцать пять лет, - я аккуратно, почти неве-

сомо расправила крошечную складку на пергаменте своим любимым костяным шпателем. - И, если быть до конца откровенной, вы, возможно, наш самый последний читатель.

Он удивленно поднял брови, оторвав взгляд от карты и внимательно посмотрев на меня.

- Звучит пугающе. Библиотеку закрывают на капитальный ремонт?

- Хуже. Ее оптимизируют, - мой голос оставался ровным, без трагических, надрывных ноток, но с явной долей холодного сарказма. - Городские власти внезапно решили, что историческая память совершенно нерентабельна для бюджета. Через пару месяцев здесь планируют открыть модный гастромаркет. Будут подавать крафтовое пиво и жарить фермерские бургеры прямо вот на этом историческом столетнем паркете. Так что наслаждайтесь старыми картами, пока их не списали в утиль или не отправили гнить на дальний сырой склад за кольцевой дорогой.

Борис несколько долгих секунд молчал, обдумывая услышанное. Его лицо заметно потемнело, скулы заострились, а челюсти едва заметно сжались. Человек, привыкший к системе, созиданию и порядку, явно не одобрял подобного чиновничьего варварства.

- Разрушать всегда проще, чем сохранять, - наконец негромко произнес он, глядя на высокие своды потолка. - Но, возможно, мы с вами сможем внести в их гениальную оптимизацию небольшие коррективы.

Я вопросительно посмотрела на него, совершенно не понимая, к чему он клонит.

Борис невозмутимо сунул руку во внутренний карман куртки, достал плоский серебристый футляр и извлек из него очки для чтения в тонкой металлической оправе. Надев их, он снова склонился над расстеленной картой. Его палец с аккуратно подстриженным ногтем медленно заскользил по старой бумаге, минуя обозначения заливных лугов, и уверенно остановился на квадрате, обозначающем главный усадебный дом купца Каблукова.

- А теперь посмотрите вот сюда, Клара Николаевна... - он слегка постучал пальцем по выцветшим линиям дореволюционного чертежа. В его спокойном голосе внезапно зазвучала интригующая, почти детективная нотка. - Ничего странного в геометрии этого здания не замечаете?

Глава 5. Призрак подвала

Дилетанты смотрят на старые географические и архитектурные чертежи как на забавные картинки в глянцево-историческом журнале - видят лишь причудливые изгибы рек, витиеватые рамки да красивые каллиграфические шрифты. Профессионалы же видят вес, объем и плотность. Я смотрела на извлеченные из тубуса документы именно так, как меня учили на архивном деле: с холодной оценкой физики пространства.

Помимо общего кадастрового плана уезда, в тубусе оказались плотные полупрозрачные кальки - детальные поэтажные чертежи главного усадебного дома Каблуковых. Именно над ними сейчас и склонился мой новый читатель.

- Посмотрите на толщину несущих стен центрального крыла, Клара Николаевна, - голос Бориса звучал негромко, но с той академической уверенностью, которая заставляет прислушиваться к каждому слову. Его палец с аккуратным ногтем медленно скользил по выцветшей синей штриховке на архитектурной кальке, прижатой к зеленому сукну стола тяжелыми латунными гирьками. - Архитектор заложил здесь сплошную кирпичную кладку почти в метр толщиной. Для обычного двухэтажного деревянно-каменного дома начала двадцатого века это колоссальный, ничем не оправданный перерасход материалов. А теперь обратите внимание вот на

эти отметки по внутреннему периметру.

Я наклонилась ближе, машинально поправляя роговую оправу очков. Запах старой, пересохшей бумаги смешался с едва уловимым ароматом морозного озона и дорогого трубочного табака, исходившим от трекинговой куртки Бориса.

- Похоже на вентиляционные отдушины, - медленно произнесла я, изучая крошечные квадратные символы, нанесенные тушью. - И сложная система дренажа, уходящая под уклоном в сторону реки.

- Именно, - кивнул Борис, опираясь костяшками пальцев о стол. - По законам физики и градостроительства того времени, такой массивный ленточный фундамент с глубоким водоотведением и собственной циркуляцией воздуха закладывался только для одного. Под главным усадебным домом располагался огромный, капитально укрепленный подземный уровень. Иными словами - гигантский подвал-хранилище, способный пережить весеннее наводнение, крупный пожар и даже небольшую локальную войну.

Мой мозг, за десятилетия работы привыкший к безупречной систематизации данных, мгновенно ухватился за эту нестыковку. Я прекрасно знала историю застройки нашего Зареченского уезда. Брак - это ведь тоже своего рода архитектурный проект. Сначала вы закладываете фундамент из общих светлых надежд и походов в кино, потом возводите стены из купленных в рассрочку стиральных машин и поез-

док на дачу. А потом, спустя тридцать лет, внезапно выясняется, что в проекте была заложена фатальная ошибка, и несущая конструкция рухнула под тяжестью одной-единственной эзотерички, питающейся сырым сельдереем. Но старинные купеческие здания, в отличие от человеческих союзов, строили на века и с предельно четким практическим расчетом.

- Минуту, Борис Николаевич, - я решительно отошла от стола. Ткань моих вельветовых брюк привычно шурхнула при ходьбе. Я направилась в глубину читального зала, к неприметным серым стеллажам, где хранилась документация советского периода.

Там, в картонных папках с ржавыми металлическими скоросшивателями, покоилась скучная, лишенная имперского изящества бюрократия двадцатых годов. Достав нужную папку с актами национализации уездного имущества, я вернулась к столу. Бумага в ранних советских документах была рыхлой, желчной, с едким, кислым запахом дешевой типографской краски - разительный контраст с благородным до-революционным пергаментом.

- Смотрите, - я положила акт БТИ за тысяча девятьсот двадцать четвертый год рядом с калькой Бориса. - Это техническая опись усадьбы Каблуковых, составленная губернской жилищной комиссией сразу после того, как в конфискованном здании решили разместить сельский клуб и машинно-тракторную станцию. Здание описано как одноэтаж-

ное строение с мезонином. В графе "подвальные и цокольные помещения" стоит жирный, категоричный прочерк. Общая кубатура строения тоже рассчитана без учета подземного яруса.

Борис внимательно изучил поблекший машинописный текст. В уголках его серых глаз снова собрались теплые, ироничные морщинки человека, привыкшего разгадывать чужие ребусы.

- Значит, мой прадед не выжил из ума на старости лет, - удовлетворенно констатировал он. - Подвал просто исчез из всех документов. Его гениально замуровали и засыпали землей еще до прихода большевиков. И комиссия пролетариата, ходившая по усадьбе с рулетками, просто не нашла туда вход.

В этот момент со стороны дубовых картотек послышался ритмичный цокот каблуков. Люся, заполнив очередной акт физической сохранности на ветхие метрические книги, не выдержала накала интриги. Она подошла к нашему столу, торжественно неся в руках пузатый фарфоровый чайник и три тонкостенные чашки. Ее широкий палантин эффектно драпировался на плечах.

- Ну что, заговорщики? - язвительно поинтересовалась подруга, ловко разливая по чашкам крепкий черный чай с чабрецом. - Нашли на старых картах рецепт от произвола нашей доблестной мэрии? Или, может, там зарыт сундук с бриллиантами, чтобы мы могли выкупить нашу библиотеку на корню и послать этого холеного мальчика с его кокосовым

кофе куда подальше?

Я взяла свою чашку, наслаждаясь живым теплом, исходящим от тонкого фарфора. Борис сдержанно кивнул Люсе в знак благодарности и тоже взял чай. Я машинально отметила, как правильно он держит чашку - не оттопыривая мизинец в нелепой попытке казаться аристократом, но и не обхватывая ее всей пятерней. Мой бывший муж Толик пил чай исключительно из огромных, толстостенных бадей. Он вечно обжигался, громко прихлебывал и обязательно оставлял липкие сладкие круги на моих свежих кухонных скатертях, искренне не понимая, зачем нужны блюда. Борис же аккуратно опустил чашку на блюдце, не издав ни единого звука. В этом мелком бытовом штрихе сквозило такое естественное уважение к окружающему пространству, что я снова почувствовала давно забытый укол женской симпатии.

- Золотых червонцев не обещаю, Людмила, - спокойно ответил Борис, глядя на дымящийся напиток. - Но кое-что поинтереснее там действительно может быть. Мой прадед, Игнатий Коновалов, служил старшим управляющим у купца Каблукова почти двадцать лет. В нашей семье из поколения в поколение передавалась одна легенда. Осенью семнадцатого года, когда в губернии начались стихийные крестьянские волнения, Каблуков понял, что эмиграция неизбежна. У него была невероятная, собиравшаяся десятилетиями нумизматическая коллекция редких монет Российской Империи. И, что еще важнее, полный личный архив городского

головы с планами застройки, секретной перепиской и документами, которые купец выкупил в пятнадцатом году на закрытом аукционе.

- И он спрятал все это историческое богатство в подвале своей загородной усадьбы, а сам подвал замуровал? - Люся округлила глаза, разом растеряв весь свой показной цинизм.

- Именно так гласит семейное предание, - кивнул Борис. - Прадед лично руководил секретными работами. Своды укрепили, вентиляцию хитроумно вывели через фальшивые печные трубы, а вход заложили двойной кирпичной кладкой. Прадед остался в России, пережил лагеря, но тайну эту унес с собой. А я, выйдя на пенсию и оставшись один, решил, что мне нужно какое-то осмысленное занятие. Вот и приехал в Зареченск проверить старую байку. Судя по этому чертежу, легенда имеет под собой железобетонное - или, скорее, кирпичное - основание.

Тайны старых домов всегда напоминали мне сложный, многокомпонентный маринад для запекания мяса. Чтобы добраться до истинной сути, до самой нежной и вкусной сердцевины, нужно запастись терпением и методично снимать наслоения из специй, времени и человеческой памяти. И внезапно, прямо посреди этого разговора о кирпичных кладках, в моей голове с кристально ясным щелчком сложился идеальный пазл.

Слова Люси о "выкупе" библиотеки сработали как мощный катализатор.

Я медленно поставила чашку на стол. Воздух в читальном зале словно стал плотнее. Я посмотрела на высокие сводчатые потолки с облупившейся лепниной, на бесконечные ряды дубовых стеллажей. Мэрия хотела вышвырнуть нас на свалку, аргументируя это тем, что наше здание - просто ветхий кирпич, не представляющий финансовой рентабельности. Но что, если мы найдем уникальный архив городского головы и бесценную коллекцию?

- Борис Николаевич, - мой голос прозвучал настолько твердо, что Люся вздрогнула. Я посмотрела прямо в спокойные глаза бывшего военного. - Эффективные менеджеры из департамента имущества мыслят исключительно категориями квадратных метров. Им категорически плевать на краеведение. Но им не плевать на федеральное законодательство и общественный резонанс. Если мы найдем коллекцию Каблукова... Если мы сможем документально доказать историческую и культурную связь этой находки с фондами нашей библиотеки...

Я сделала паузу. Борис чуть прищурился, мгновенно оценивая масштаб предложенной комбинации. Его губы дрогнули в едва заметной улыбке интеллектуала, увидевшего перед собой чертеж идеальной архитектурной засады.

- Здание автоматически получит статус объекта федерального культурного наследия, - негромко закончил он мою мысль. - Любая коммерческая реконструкция, снос перегородок или изменение целевого назначения помещения будут

строжайше запрещены законом.

- В яблочко, - кивнула я, чувствуя жаркое, азартное предложение. - У вас есть георадар, внедорожник и полевой опыт. У меня есть доступ к картотеке, знание специфики местной архитектуры и абсолютное, неистребимое желание утереть нос нашей мэрии. Предлагаю объединить усилия в формате полноценной поисковой экспедиции.

Это не было кокетством. Это был прямой договор двух взрослых профессионалов. Борис посмотрел на меня с нескрываемым уважением. В его взгляде не было той снисходительной оценки, с которой часто смотрят на женщин моего возраста. Он видел во мне равного партнера.

- Считайте, что я в деле, Клара Николаевна, - он протянул мне руку через застеленный сукном стол.

Я ответила на рукопожатие. Его ладонь была теплой, сухой и сильной. В этом жесте было столько надежности, что пресловутая энергия «древнего воина» моего бывшего мужа на ее фоне казалась дешевым реквизитом.

- Отлично, - Люся звякнула своими массивными браслетами, разрушая торжественность момента. - План гениальный. Только есть одна крошечная проблема.

Она ткнула наманикюренным пальцем в правый нижний угол старинной кальки.

- Вот этот квадрат с топографическими привязками к местности. Он же полностью выцвел. Тут сплошное синее пятно от сырости. Как вы собираетесь искать засыпан-

ный подвал на территории в несколько гектаров, если даже точные ориентиры прочитать невозможно? Георадаром там можно до зимы все кусты сканировать.

Я склонилась над столом. Люся была права. Блок с координатами в саженях, необходимый для калибровки приборов Бориса, слился в единую акварельную кляксу. Видимо, столетие назад на этот угол неудачно пролили воду. Разобрать дореволюционный почерк было физически невозможно.

Борис нахмурился.

- Да, беда. В столичном архиве можно было бы заказать инфракрасное сканирование, но это запрос на пару месяцев. А у нас, как я понимаю, счет идет на недели.

Я выпрямилась, задумчиво покусывая дужку очков. Инфракрасного сканера у нас в Зареченске не водилось. Зато на втором этаже библиотеки, в камерке без окон, заставленной гудящими серверами, обитал наш бессменный системный администратор Ярослав. Двадцатисемилетний гений цифровой обработки, который искренне презирал бумажные запросы и должностные инструкции, но обладал талантом вытягивать информацию из убитых пикселей. И у этого гения была одна уязвимость - он катастрофически плохо питался покупной шаурмой. Обычная просьба на него бы не подействовала, тут требовалась тяжелая кулинарная артиллерия.

- Не переживайте за пятно, Борис Николаевич, - я мягко

улыбнулась. - Оставьте этот вопрос мне. Топографические привязки будут у вас завтра к обеду.

Борис посмотрел на меня с легким удивлением, но задавать лишних вопросов не стал.

- В таком случае, я поеду в гостиницу, подготовлю оборудование и проверю аккумуляторы георадара, - он аккуратно застегнул куртку. - Завтра днем я заскочу к вам за координатами, и мы сможем обсудить детали вылазки. Спасибо за прекрасный чай, дамы.

Когда тяжелая дубовая дверь за Борисом закрылась, в читальном зале снова повисла тишина. Но это была уже не та давящая тишина разрушения, которую оставил после себя чиновник. Это была тишина рабочего предвкушения.

Люся забрала пустые чашки на поднос и хитро прищурилась.

- А он ничего, этот твой топограф. Порода чувствуется. Не то что твой вибрирующий Толик с его остеохондрозом.

- Прекрати, Люся, - я отмахнулась, но прятать легкую улыбку не стала. - Нас интересует исключительно его георадар.

Я взяла картонный тубус и бережно начала сворачивать чертежи. До конца рабочего дня оставалось пара часов, но мой внутренний график уже перестроился. Вечером мне предстояло зайти на фермерский рынок, купить свежего тво-

рога, отборной капусты и яиц. Чтобы добыть информацию из нашего упрямого хакера, требовалось испечь идеальные домашние пирожки.

Я посмотрела на аккуратно свернутый рулон. Еще вчера вечером мой стабильный мир рухнул вместе с уходом мужа. Мой жизненный чертеж казался безнадежно испорченным. А сегодня, вдыхая запах библиотечной пыли, я вдруг осознала поразительную вещь. Моя жизнь только что обрела новые, захватывающие координаты. И в этих координатах совершенно точно не было ни одной остановки троллейбуса по маршруту номер четыре.

Глава 6. Лотос на скрипучем паркете (Анатолий)

от лица Анатолия

- Вдыхай через копчик, Толя. Впускай в себя энергию земли, - прошелестел над моим правым ухом бархатный, убаюкивающий голос Ванессы.

Я послушно попытался втянуть воздух той частью тела, которая анатомически для этого совершенно не предназначалась. Мой копчик, равно как и вся поясница, в данный момент посылал в мозг исключительно сигналы бедствия. Мы сидели на полу в просторной, залитой холодным утренним светом гостиной. Подо мной была лишь тонкая бамбуковая циновка, а мое левое колено, тридцать лет привыкавшее к определенному углу сгибания на тугой педали троллейбуса, сейчас было безжалостно вывернуто в позе лотоса и издавало тихий, но зловещий костяной хруст.

Я старательно держал спину ровно, сомкнув большой и указательный пальцы в правильную, как уверяла Валя - то есть Ванесса - мудру высшей мудрости. В квартире-студии густо пахло тлеющим деревом пало санто. Запах был сладковатым, плотным, он лез в ноздри и вызывал непреодолимое желание чихнуть, но я мужественно держался. Я же сам этого хотел. Я сам вчера вечером стоял в прихожей нашей с Кла-

рой квартиры и пафосно рассуждал про вибрации и искру. Я хотел вырваться из предсказуемого, как расписание моего маршрута, быта. Хотел почувствовать себя мужчиной-творцом, неразгаданным древним воином, а не просто стареющим Толиком с надвигающейся пенсией.

Вот только древний воин во мне прямо сейчас отчаянно хотел вытянуть затекшие ноги и сесть на нормальный, мягкий кухонный стул со спинкой.

- Ты напряжен, мой хороший, - Ванесса, облаченная в просторный льняной балахон цвета неотбеленной пряжи, плавно поднялась с пола. Она двигалась почти бесшумно, перетекая в пространстве. - Твои блоки мешают потоку праны. Ничего, мы это проработаем. Иди в душ, вода смоем остатки старых привязок. А я пока приготовлю завтрак.

Слово «завтрак» сработало лучше любой космической энергии. Мой желудок, сжавшийся в тоскливый комок от вечернего стресса и отсутствия нормального ужина, радостно и требовательно булькнул. Я аккуратно, стараясь не кряхтеть по-стариковски, распутал ноги, оперся ладонями о жесткий пол и поднялся. В колене снова что-то предательски щелкнуло, но я лишь бодро улыбнулся своей просветленной женщине и направился в ванную.

После контрастного душа, который Ванесса настоятельно рекомендовала для «закрытия чакр», я прошел в угол студии, где временно базировались мои вещи. Никакой растерянности перед бытом я не испытывал. За три десятка лет

брака Клара, конечно, приучила меня к идеальному порядку в шкафах, но я никогда не был безруким инвалидом, ждущим, пока жена подаст чистые носки. Мои шикарные графитовые чемоданы «Самсонайт» стояли ровно там, где я их вчера оставил. Я привычно щелкнул кодовым замком, достал свежую голубую рубашку из форменного комплекта автотарпа и темные форменные брюки.

В нише за дверью обнаружилась гладильная доска. Я деловито разложил ее, аккуратно сдвинув на край столешницы колоду раскинутых карт Таро и россыпь каких-то фиолетовых полудрагоценных камней, которые Ванесса называла аметистовыми гармонизаторами пространства. Включил утюг в розетку, проверил подачу воды и принялся наводить безупречные стрелки на брюках. Пар с влажным шипением вырывался из подошвы утюга, плотная ткань послушно разглаживалась под моими руками. В этом простом, механическом действии была своя, понятная мне магия. Я любил выглядеть опрятно. Уважение к себе начинается с чистого воротничка, это правило я усвоил еще в юности. Повесив отутюженную форму на спинку единственного в квартире деревянного стула, я направился в кухонную зону, искренне предвкушая горячую утреннюю еду.

Кухня в студии Ванессы представляла собой торжество радикального минимализма. Белые глянцевые фасады, абсолютно пустая столешница из искусственного камня и полное отсутствие плиты как таковой. Вместо нее на столе гордо

возвышался мощный стационарный блендер и футуристического вида сушилka для овощей. Мой взгляд машинально метнулся по сторонам в поисках привычной пузатой сковородки, на которой Клара обычно жарила мне плотную яичницу из трех фермерских яиц с румяной колбасой, или хотя бы алюминиевой кастрюльки для каши. Ничего подобного в этом царстве высоких энергий не водилось.

Ванесса обернулась ко мне, держа в руках высокий стеклянный стакан, до краев наполненный густой зеленой жидкостью.

- Твой ресурсный эликсир, воин, - она с нежной, понимающей улыбкой протянула мне стакан.

Я машинально взял тяжелую емкость. Жидкость была подозрительно холодной и пахла свежескошенным газоном, подгнившими водорослями и немного огурцом.

- Что это, Валюш? - осторожно поинтересовался я, глядя на то, как на поверхности напитка лениво лопаются крошечные изумрудные пузырьки.

- Ванесса, Толя. Мы же договорились, старое имя несет вибрации бедности и провинциальности, - мягко поправила она, прикоснувшись тонкими пальцами к моему запястью. - Это смузи из молодой спироулины, сельдерея, шпината и семян чиа. Мощнейший детокс для твоей печени. Запускает клеточное обновление. Пей до дна, пока прана не улетучилась от контакта с кислородом.

Я сделал глубокий вдох, задержал дыхание, словно перед

прыжком в ледяную прорубь, и сделал большой глоток. Холодная, шероховатая масса неохотно скользнула в горло. На вкус это было так, словно я пожевал клумбу в городском парке, щедро закусив ее сырой тиной. Мой желудок, с вечера мечтавший хотя бы о куске черного хлеба с докторской колбасой, испуганно сжался, отчаянно протестуя против такого гастрономического вероломства.

- Вкусно, - выдавил я из себя, стараясь не морщиться, и сделал еще пару мучительных, героических глотков. - Очень... освежает.

- Я так и знала, что твоя истинная сущность откликнется! - просияла Ванесса. - Мясо и термически убитая пища только заземляют нас, Толя. Ты сам очень скоро почувствуешь, как тело станет невесомым, уйдут все мышечные шлаки, и ты сможешь свободно считывать потоки Вселенной.

«Главное, чтобы не ушли последние силы крутить тугой руль троллейбуса», - мрачно подумал я, допивая зеленый кошмар. Я аккуратно помыл за собой стакан под краном, вытер руки льняным полотенцем, надел свою идеально выглаженную форму, накинул осеннюю куртку и вышел в прохладное зареченское утро.

На улице было зябко. Вчерашний затяжной осенний дождь оставил после себя россыпь мелких, блестящих на солнце луж, в которых отражалось бледное, прозрачное небо. Я шел к остановке автобуса, чтобы доехать до своего отдаленного автопарка, и действительно чувствовал стран-

ную легкость в теле. Правда, легкость эта была вызвана не клеточным обновлением, а банальным, сосущим чувством голода.

Диспетчерская нашего троллейбусного депо встретила меня привычным, плотным мужским запахом, который не спутаешь ни с чем. Здесь пахло озоном, графитовой пылью с токоприемников, горячей спиралью старого обогревателя и крепким, дешевым черным чаем. За длинным столом, покрытым потрескавшимся линолеумом, сидели мои коллеги по маршрутам - сменщик Михалыч и молодой водитель Сая. Перед ними на развернутой вчерашней газете лежала нарезанная толстыми, щедрыми кругляшами сырокопченая колбаса, половина батона белого хлеба и увесистый кусок желтого сыра.

При виде этой простой, крестьянской картины мой желудок издал звук, похожий на стон раненого кита. Я сглотнул вязкую слюну, стараясь не смотреть на стол и настраиваясь на рабочий лад.

- Здорово, орлы, - я повесил куртку на железный крючок в углу и подошел расписываться в журнале выдачи путевых листов.

Михалыч, мужик примерно моей комплекции с густыми прокуренными усами, оторвался от своего бутерброда. Он подозрительно прищурился, шумно потянул носом воздух и уставился на меня.

- Вербов, ты чего это... одеколоном каким-то бабским об-

лился? - хрипло спросил он, продолжая невозмутимо жевать.
- От тебя несет, как от попа в индийском храме. Или как будто енот сдох в лавке с индийскими сувенирами. Ты чей-то чужой лосьон после бритья глотнул с утра, что ли?

Саня тихо заржал, уткнувшись носом в свой пластиковый стаканчик с дымящимся чаем.

Уши обожгло стыдом, словно я школьник, пойманный с сигаретой за гаражами. Сладковатый, едкий запах пало санто, видимо, намертво въелся в волокна моей куртки, пока она висела на спинке стула.

- Это не одеколон, Михалыч, - сдерживая накатывающее раздражение, ровным тоном ответил я, расписываясь в журнале. - Это эфирные масла. Дерево такое. Очищает пространство от негативных привязок и токсичной энергии. Тебе бы тоже не мешало почистить ауру, а то сидишь тут, холестерин свой наворачиваешь с самого утра. Мясо, между прочим, сильно понижает жизненные частоты.

Михалыч поперхнулся чаем. Он отложил надкусанный бутерброд на газету и посмотрел на меня с искренней, неподдельной жалостью.

- Вербов, тебя жена из дома выгнала, что ли? И ты на почве стресса в секту ударился? Какие частоты, мать твою? Тебе через два года на пенсию выходить, у тебя давление скачет на смену погоды, а ты пространство очищаешь. На, возьми колбасы, поешь как мужик нормальный, а то вон бледный весь, как моль библиотечная.

Упоминание библиотеки неожиданно больно резануло по ушам. Я вспомнил Клару. Вспомнил, как она вчера стояла в прихожей - спокойная, уверенная в себе. Она не устраивала сцен из мексиканских сериалов, не кричала про разрушенную жизнь и потраченную молодость. Она просто выдала мне пластиковый контейнер с сырниками и отправила на все четыре стороны, предварительно посоветовав беречь горло от сквозняков.

- Я не голоден, - гордо соврал я, отворачиваясь от стола, хотя запах чесночной колбасы буквально сводил меня с ума. - Я просто вышел из зоны привычного комфорта. Развиваюсь духовно. Чего и вам искренне советую.

Я забрал свой путевой лист и быстро вышел из диспетчерской под недоуменное хмыканье коллег.

Через полчаса я уже сидел в холодной кабине своей привычной «четверки». Толстая, потертая баранка руля легла в руки как влитая. Двери с характерным пневматическим шипением закрылись, электродвигатель натужно загудел, и тяжелая машина плавно отвалила от остановки, вливаясь в утренний автомобильный поток Зареченска.

Маршрут номер четыре я знал как свои пять пальцев. От спального района у химзавода до самого центра. Вот здесь, на перекрестке с улицей Ленина, всегда небольшая коварная яма у правого бордюра, ее нужно аккуратно обходить по дуге. Вот тут, возле крытого рынка, вечно выскакивают нерадивые пешеходы с тележками. Вся моя жизнь последние пят-

надцать лет состояла из этого цикличного, абсолютно неизменного движения по заданному кругу. От конечной до конечной. Именно от этого круга я и бежал вчера с двумя чемоданами в поисках свободы.

Я вел троллейбус, механически объявляя остановки в трескучий микрофон, и честно пытался применить утренние уроки моей духовной наставницы. «Визуализируй поток чистого белого света, - вспоминал я наставления Ванессы. - Пусть он проходит сквозь тебя, наполняя абсолютной гармонией и принятием».

Я прищурился, глядя на залитое бледным осенним солнцем лобовое стекло, стараясь представить этот самый спасительный поток света. Но мой уставший, обманутый спинулиной мозг предательски саботировал любую медитацию. Вместо космического луча перед моим внутренним взором упорно, в мельчайших деталях, с пугающей реалистичностью всплывала большая прозрачная кастрюля из нашего холодильника. В ней переливался золотистый, невероятно прозрачный куриный бульон, который Клара томила на медленном огне несколько часов. Я прямо физически чувствовал запах черного перца горошком, лаврового листа и свежего укропа. Я вспомнил, как она наливала этот обжигающий бульон в мою любимую глубокую тарелку, ставила рядом блюдце с домашними чесночными сухариками из белого хлеба...

От этого непрошеного видения мой желудок скрутило так, что я едва не пропустил нужный поворот на кольце. Изжога,

вызванная кислой сырой зеленью натошак, огненным, жгучим шаром поднялась к самому горлу.

Я дотянул маршрут до конечной остановки. Высадив последних немногочисленных пассажиров, я заглушил двигатель, поставил тяжелую машину на стояночный тормоз и с облегчением откинулся на спинку скрипучего водительского кресла. В кабине было прохладно, сквозь щели в старом резиновом уплотнителе двери ощутимо тянуло сквозняком.

Шея ныла от напряжения, левое колено монотонно гудело, во рту стоял стойкий, отвратительный привкус болотной тины. Я потянулся к своей старой рабочей сумке из кожзама, лежавшей на соседнем сиденье. Там, в боковом внутреннем кармане, всегда лежал спасительный блистер валидола и проверенные таблетки от изжоги, которые Клара заботливо подкладывала мне каждую неделю, проверяя сроки годности.

Я запустил руку в темные недра сумки, нащупывая нужный карман, но мои пальцы внезапно наткнулись на гладкий, твердый пластик. Я замер. Сердце почему-то тревожно екнуло о ребра.

Медленно потянув находку на свет, я положил ее на свои форменные брюки. Это был он. Тот самый качественный пластиковый контейнер, который бывшая жена сунула мне в руки перед уходом.

Я съел его содержимое еще вчера вечером. Прямо на холодной автобусной остановке, пока ждал редкую вечернюю

маршрутку до новостройки Ванессы. Я умял эти четыре остывших сырника руками, в темноте, даваясь от непонятной, щемящей тоски и жадно слизывая крошки нежного творога с пальцев, потому что инстинктивно, где-то на подкорке понимал: в новой, вибрирующей жизни такой еды не предвидится.

Я смотрел на пустую прямоугольную емкость. Мои мозолистые пальцы сами собой легли на боковые защелки. Я потянул их вверх. Крышка издала тихий, послушный пластиковый щелчок и открылась.

Из пустой посуды едва уловимо, но абсолютно отчетливо пахнуло теплой ванилью, качественным вологодским сливочным маслом и настоящим, не выдуманным домашним уютом. Этим запахом был пропитан весь мой вчерашний, теперь уже безвозвратно разрушенный мир. Запах был настолько пронзительно родным, что у меня предательски, по-мальчишески защемило в носу.

Я сидел в пустом, остывающем троллейбусе, вдыхал аромат чужого сливочного масла и смотрел на свои руки. Энергия древнего воина, которой я так отчаянно бравировал перед самим собой, вдруг показалась мне жалкой, картонной декорацией в очень плохом самодеятельном спектакле. Я добровольно обменял тепло своего многолетнего дома на жесткую бамбуковую циновку и стакан перетертой травы только ради того, чтобы почувствовать себя особенным в глазах чужой женщины.

И вот теперь я сидел здесь. Особенный, просветленный, голодный и абсолютно потерянный.

Я судорожно, с силой захлопнул крышку контейнера, словно боясь, что остатки этого ванильного запаха окончательно лишат меня рассудка и заставят повернуть троллейбус не по маршруту. Засунул пластиковую коробку на самое дно сумки, спрятав ее под толстые рабочие перчатки и моток синей изоленты.

Щелкнул тумблером, включая питание панели. Вздохнул, жестко прогоняя наваждение, и нажал на кнопку закрытия дверей.

Пора было снова выходить на линию. Мой собственный, новый жизненный круг только начинался, и сойти с него, как выяснилось, оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал в своих глупых мужских фантазиях.

Глава 7. Пирожки для хакера

Стоять перед тяжелой железной дверью серверной с плетеной корзиной в руках было немного глупо. Я чувствовала себя Красной Шапочкой пенсионного возраста, которая пришла провести цифрового волка. На первом этаже нашей библиотеки, в исторических залах, безраздельно властвовала вековая пыль, терпкий запах сургуча и благородное академическое увядание. Здесь же, на втором, воздух был сухим, колючим, пропитанным статическим электричеством и откровенно химическим ароматом дешевых энергетиков с тропическими вкусами.

Молодежь почему-то свято верит, что настоящая магия кроется исключительно в нейросетях, алгоритмах и облачных хранилищах. Мой жизненный опыт подсказывал совершенно иное. Настоящая, безотказная магия - это идеальный баланс свежих прессованных дрожжей, теплого молока и правильной пшеничной муки. Сегодня утром, на своей собственной кухне, где мне больше не нужно было оглядываться на чужие гастрономические капризы, я замесила великолепное, дышащее тесто. Начинка получилась классической: молодая капуста, тушенная до мягкого золотистого цвета с рубленным деревенским яйцом и щедрой каплей сливочного масла. Я всегда поддерживала дома правильный стратегический запас продуктов, поэтому собрать этот кули-

нарный шедевр не составило никакого труда.

Я решительно толкнула металлическую дверь и шагнула в полумрак.

В комнате, заставленной гудящими и мигающими стойками серверов, обитал наш бессменный системный администратор Ярослав. Двадцать семь лет, вечное безразмерное худеющее мышинное лицо, залегающие синяки под глазами от ночных игровых рейдов и абсолютная, непробиваемая оторванность от бумажной реальности. На его рабочем столе высилась монументальная батарея пустых жестяных банок, угрожая рухнуть при любом неосторожном движении.

- Ярослав, добрый день, - бодро произнесла я, переступая порог.

Он даже не повернул взлохмаченной головы от мерцающего монитора, по которому бесконечным потоком бежали зеленые строчки программного кода.

- Клара Николаевна, я не заправляю картриджи по пятницам. И бумагу в принтерах не разжевываю. Напишите электронную заявку на портале, я посмотрю после обеда, - пробормотал он заученную защитную фразу.

- Я совершенно не по поводу картриджей. Мне нужна твоя гениальная голова, Слава. И твой широкоформатный сканер.

Я подошла вплотную к столу и одним плавным, почти театральным движением откинула чистое льняное полотенце с корзинки. Система вентиляции серверной мгновенно капитализировала. Густой, уютный запах теплой домашней выпеч-

ки, ванили и жареного сливочного масла ударил по рецепторам изголодавшегося на магазинной сухомятке организма с грацией пудовой кувалды.

Ярослав замер. Строчки кода на экране продолжили бегать, но сам айтишник медленно, словно под гипнозом, повернулся ко мне на скрипучем офисном кресле.

- Это... капуста? - благоговейно прошептал он, не отрывая взгляда от румяных, глянцевых боков идеальных пирожков.

- Капуста и яйцо, Слава. Обмен валюты. Ты мне очищаешь один очень старый и капризный документ от векового пятна сырости, а я оставляю эту корзинку на твоём столе. Сделка века, соглашайся, пока они ещё горячие.

Ярослав судорожно сглотнул, молча протянул руку, взял один горячий пирожок и жадно откусил половину. На его бледном лице отразилось абсолютное, почти религиозное гастрономическое блаженство.

- Стекло сканера я вчера спиртом протирал, - невнятно, с набитым ртом произнес он, кивая в угол комнаты. - Давайте вашу бумажку, Клара Николаевна. Ради такого я готов взломать даже Пентагон.

Мы переместились к громоздкому аппарату, похожему на космический саркофаг. Я достала из кармана своего плотного твидового жакета костяной медицинский шпатель - инструмент тонкой реставрации, без которого редко выходила из отдела. Осторожно, миллиметр за миллиметром, я расправила хрупкую пожелтевшую кальку с планом усадьбы

Каблуковых на холодном стекле. Ту самую кальку с безнадежным синим пятном в правом нижнем углу, где скрывались жизненно необходимые нам топографические привязки.

Ярослав опустил массивную крышку и нажал пару комбинаций на клавиатуре. На большом вспомогательном мониторе медленно поползла скан-копия чертежа. Цифровое пятно выглядело как безнадежная, намертво въевшаяся акварельная клякса.

- Бумага рыхлая, тушь глубоко ушла в волокна, - профессионально, забыв про пирожок, оценил Ярослав. - Сейчас мы ее прогоним через инфракрасный фильтр, потом инвертируем цвета и вытянем кривые контрастности.

Он начал быстро, почти виртуозно щелкать мышкой. Изображение на экране моргало, меняло цвета с серого негатива на сепию, потом заливалось кислотно-красным. Это походило на цифровую археологию. И вдруг, сквозь виртуальную синеву, словно затонувший корабль, поднимающийся со дна океана, начали проступать контуры выцветших дореволюционных цифр.

- Координаты в саженях, - удовлетворенно кивнула я, опираясь руками о стол. Тонкая кашемировая водолазка приятно согревала спину в прохладном помещении. - Отличная работа, Слава. Мой коллега-исследователь будет крайне доволен.

- Подождите-ка, - Ярослав вдруг придвинулся вплотную

к монитору, щурясь за стеклами своих очков. - А это что за битые пиксели на полях? Смотрите, вот тут, по самому краю среза бумаги.

Он выделил прямоугольной рамкой крошечный участок кальки и выкрутил масштаб на максимум. Я поправила на переносице свою роговую оправу и наклонилась ближе. Это были не просто случайные росчерки разошедшегося пера или пятна въевшейся плесени. Едва заметные линии складывались в строгие, филигранные символы: крошечные циркули, скрещенные отвесы, угловые линейки и схематичные изображения кирпичной кладки с точками внутри.

У меня на секунду перехватило дыхание. Двадцать пять лет работы в краеведении никогда не проходят даром. Пазл складывался в объемную, пугающе интригующую картину.

- Боже мой, - тихо вырвалось у меня. - Это закрытый гильдейский шифр. Именно так архитекторы в начале двадцатого века помечали скрытые коммуникации или двойные фундаменты в проектах, которые категорически не подлежали официальной огласке в уездной управе. Слава, ты понимаешь, что это значит?

- Что там не просто картошку на зиму хранили? - ухмыльнулся айтишник, отправляя в рот остатки выпечки. - Вы мне распечатать это в цвете или в градациях серого?

- Максимальное разрешение, на плотной бумаге, - командовала я. - И, Слава, пока это строго между нами.

Спустя полчаса я спускалась по скрипучей деревянной

лестнице обратно в свой родной полуподвал. В руках у меня была картонная папка со свежими, пахнущими теплым тонером распечатками. В груди билось давно забытое, горячее азартное предвкушение. Тайник под заброшенной купеческой усадьбой обретал реальные, математически точные очертания.

В читальном зале Люся привычно перекладывала формуляры, с остервенением заполняя бланки актов физического состояния. Наша бюрократическая оборона против мэрии работала на полных оборотах: мы документировали каждую надорванную страницу, законно оттягивая момент, когда строители смогут зайти в наше здание. За высокими сводчатыми окнами стоял ясный, хрустящий осенний день. Вчерашние лужи во внутреннем дворе окончательно подсохли, оставив на брусчатке лишь сухую россыпь желтых листьев.

Тяжелая дубовая дверь зала мягко, без своего обычного протяжного скрипа, открылась. Борис Коновалов вошел ровно в назначенное время, минута в минуту. От его трекинговой куртки снова повеяло прохладной свежестью улицы. Он снял легкие перчатки, вежливо кивнул Люсе, которая тут же поправила свой цветастый палантин, а затем перевел свой внимательный, спокойный взгляд на меня.

- Добрый день, Клара Николаевна. Надеюсь, я не сильно отвлекаю вас от героической защиты фондов?

Я не стала тратить время на пустые светские расшарки-

вания. Молча подошла к большому столу, застеленному потертым зеленым сукном, и положила перед ним лист с распечаткой.

- Ваш маршрут построен, Борис Николаевич. Обратите внимание на правый нижний угол. И особенно на символы по краям архитектурного среза.

Борис неторопливо достал из внутреннего кармана серебристый футляр, надел свои очки в тонкой оправе и склонился над столом. Тишина в зале стала плотной, почти осязаемой. Я видела, как напряглись его скулы, как цепкий, натренированный взгляд бывшего топографа скользит по восстановленным координатам. А затем он заметил масонские циркули.

Он медленно выпрямился, снял очки и посмотрел на меня с нескрываемым, глубоким уважением. В этом взгляде совершенно не было мужского снисхождения или попытки казаться умнее. Так смотрят на равноценного партнера, который только что виртуозно, в несколько ходов выиграл сложную партию.

- Клара Николаевна, вы невероятная женщина, - его глубокий голос звучал ровно, но в нем отчетливо слышалась интрига. - В столичном военном архиве на подобную экспертизу ушло бы полгода и целая гора бюрократических запросов с тремя печатями.

- Местные связи и правильный рецепт домашнего теста творят настоящие чудеса, - я позволила себе легкую улыбку.

ку, чувствуя, как от этого искреннего комплимента непроизвольно выпрямляется осанка. - Координаты совпадают с вашими современными картами?

Борис достал свой рабочий планшет, быстро вбил цифры в программу и уверенно кивнул.

- Идеально. Погрешность максимум в полметра. Теперь я точно знаю, где на территории этой усадьбы нужно калибровать георадар. И если эти архитектурные знаки значат то, что я думаю, мы ищем не просто засыпанный подвал, а капитальный тайник с хитрой системой дренажа.

- Значит, нам нужно ехать туда как можно скорее, пока наша доблестная мэрия не прислала экскаваторы прямо к нам в библиотеку, - констатировала я, опираясь ладонями о сукно стола.

- Суббота. Выезд в семь утра, пока нет случайных дачников на трассе, - Борис аккуратно убрал планшет в сумку. - Поедем на моей «Ниве», там последние пять километров предстоит трястись по сильно разбитой грунтовке. Но есть один важный нюанс.

Он мягко, без всякого непристойного подтекста опустил взгляд на мои ноги. На мне были элегантные, темно-бордовые замшевые лоферы, которые безупречно подходили к моему городскому осеннему наряду, но совершенно не годились для прогулок по пересеченной местности.

- Там будет много старой кирпичной крошки, влажного суглинка и бурьяна в человеческий рост, - тактично пояснил

он, возвращая взгляд к моему лицу. - Обычная модельная обувь такого марш-броска просто не выдержит. И одевайтесь теплее, за городом на пустырях сейчас гуляют серьезные сквозняки.

- Не волнуйтесь, Борис Николаевич. К субботнему утру я буду во всеоружии, - абсолютно спокойно ответила я.

Мы обсудили еще пару мелких деталей предстоящей вылазки, сверили время, и Борис ушел, оставив после себя шлейф уверенности и четко поставленной задачи.

Я осталась стоять у зеленого стола, задумчиво глядя на свои изящные замшевые туфли. Моя многолетняя привычка быть исключительно правильной, «кабинетной» женой только что дала о себе знать. У меня в шкафу висело три отличных кашемировых пальто, десяток мягких кардиганов и ни одной вещи, в которой можно было бы безнаказанно лезть в заброшенный купеческий подвал. Мой бывший муж Толик категорически терпеть не мог лес и природу, предпочитая проводить выходные на диване перед телевизором или, в лучшем случае, на даче, где от природы были только грядки с кабачками. Поэтому весь мой гардероб был годами заточен исключительно под цивильный маршрут: дом, библиотека, фермерский рынок.

В дешевых мелодрамах женщины после развода обычно сломя голову бегут в торговый центр, чтобы купить себе обтягивающее красное «платье мести», встать на двенадцатисантиметровые шпильки и гордо дефилировать мимо

окон неверного супруга. Мне от этой глупой картинки стало смешно.

Мои правила игры кардинально изменились. Мой старый, предсказуемый мир окончательно исчез в двух чемоданах на силиконовых колесиках. А новый, неизведанный мир требовал не мстительных кружев, а качественной экипировки.

Завтра вечером, сразу после закрытия отдела, я собиралась отправиться в спортивный магазин. Мне нужны были добротная, непромокаемая куртка и крепкие трекинговые ботинки с мощной подошвой. И покупать я их буду не для того, чтобы кому-то что-то доказать, а исключительно для себя. Исключительно для своего личного, потрясающе интересного приключения.

Глава 8. Никаких «платьев мести»

Удивительно, но тридцать лет законного, стабильного брака оставляют после себя не столько светлую ностальгию, сколько специфический, окаменевший бытовой мусор. Брак вообще во многом похож на сложный многослойный пирог: сначала ты долго и старательно вымешиваешь тесто общих надежд, потом щедро прослаиваешь его купленными в расрочку стиральными машинами, детскими ангинами и редкими отпусками на море. А в итоге, когда пирог разрезают и праздник заканчивается, на дне формы часто остаются лишь прилипшие, безнадежно подгоревшие крошки.

Я стояла в прихожей перед открытой нижней секцией нашего обувного шкафа. За окном стремительно, прямо на глазах портилась погода. Прозрачная, хрустящая зареченская осень, радовавшая нас днем, сдавала позиции под натиском тяжелого, сизого атмосферного фронта. Ветер гудел в вентиляционной шахте и легонько подергивал оконные рамы застекленной лоджии, обещая к ночи затяжной, холодный дождь. Это было очень кстати. Завтра рано утром нам с Борисом предстояло выехать на руины купеческой усадьбы, и дождь гарантировал нам идеальную, аутентичную непролазную грязь. Мои элегантные темно-бордовые замшевые лоферы, в которых я сегодня провела весь день в библиотеке, для такой серьезной экспедиции категорически не годились.

Мне нужно было срочно освободить полку для правильной походной обуви.

Мой бывший муж Толик никогда не был неряхой или тем самым классическим недотепой из анекдотов, который не знает, на какой полке лежат его собственные носки. Как я уже отмечала, он собирался к своей просветленной Ванесе в новую жизнь обстоятельно и вдумчиво, забрав все свои демисезонные ботинки, фланелевые рубашки и ортопедические стельки. Но в самом дальнем, темном углу обувницы, куда не дотянулась его жажда духовного роста, обнаружился пыльный пластиковый ящик с прошлым.

Внутри лежали спутанные, тронутые рыжим налетом ржавчины рыболовные блесны - Толик не был на реке с тех пор, как наша дочь Аня пошла в восьмой класс, но упорно отказывался их выбрасывать. Рядом покоилась безнадежно засохшая банка дешевой автомобильной полироли, купленная еще для нашей первой подержанной машины, и серая, растянутая до состояния бесформенной марли футболка с выцветшим логотипом футбольного клуба, которую он бережно хранил исключительно «на тряпки».

Я смотрела на этот натюрморт и чувствовала совершенно терапевтическое, холодное удовольствие. В дешевых сериалах брошенная жена в этот момент должна была бы упасть на колени на коврик в прихожей, прижать к груди грязную футболку неверного супруга и завывать от невыносимой потери, проклиная разлучницу. Или, наоборот, с мстительным хохо-

том изрезать эту тряпку кухонными ножницами на мелкие лоскуты, представляя на ее месте соперницу. Я же просто взяла плотный полиэтиленовый мусорный пакет и абсолютно спокойно, без единой лишней эмоции, смахнула в него весь этот хлам. Щелчок пластиковой крышки мусорного ведра прозвучал в пустой квартире как отличный, жизнеутверждающий финальный аккорд.

Я освободила физическое пространство. Мой дом больше не был бесплатным складом для чужих заброшенных хобби. Теперь можно было ехать за экипировкой.

Спустя сорок минут я шла по ярко освещенной, сверкающей чистотой галерее городского торгового центра. Контраст между завывающим на улице промозглым ветром и теплым, пахнущим сладким парфюмом и свежим кофе воздухом молла немного сбивал с толку. Я целенаправленно направлялась в крупный магазин спортивного и туристического снаряжения, когда мой взгляд невольно зацепился за витрину дорогого женского бутика.

На центральном подиуме за стеклом гордо возвышался безликий пластиковый манекен. На нем красовалось обтягивающее красное платье с провокационно глубоким вырезом и черные замшевые туфли на безумной, тончайшей двенадцатисантиметровой шпильке. Классический, кричащий набор из глянцевого каталога «Смотри, кого ты потерял». То самое легендарное платье мести, в которое, по законам жанра, я должна была облачиться, чтобы случайно пройти мимо

остановки троллейбуса номер четыре и заставить бывшего мужа кусать локти.

Я остановилась, поправляя на переносице роговую оправу очков, и откровенно, абсолютно искренне рассмеялась. Звук моего смеха потонул в фоновой музыке торгового центра.

Я живо представила себе эту комичную картину: я заявляюсь в таком потрясающем алом великолепии на заброшенные купеческие руины. Мои шикарные шпильки мгновенно и намертво вязнут в раскисшем осеннем суглинке. Ветер безжалостно треплет тонкий шелк, замораживая поясницу, а в глубокое декольте с радостным писком пикируют все местные клещи и намертво цепляется прошлогодний репейник. Борис Николаевич, стоящий рядом со своим высокотехнологичным георадаром, тактично делает вид, что не замечает, как у меня синеют от холода губы и трясутся колени.

Какая невероятная, первобытная глупость. Желание кому-то что-то доказывать своим внешним видом - это верный, стопроцентный признак глубочайшей внутренней неуверенности. Месть вообще похожа на пересоленное, щедро сдобренное дешевым перцем рагу: оно обжигает тебе рот задолго до того, как его попробует твой обидчик. И в девяноста процентах случаев вызывает лишь тяжелую изжогу.

Мне совершенно не нужно было доказывать Толику свою женскую состоятельность. Он сейчас, вероятно, пытается переварить порцию сырого сельдерея, сидя на жестком полу и слушая лекцию о раскрытии денежных потоков Вселенной.

Ему и так достаточно тяжело.

Я развернулась, оставив манекен в красном платье скучать за стеклом, и решительным шагом вошла в просторный зал магазина туристического снаряжения.

Я никогда не экономила на себе в ущерб здравому смыслу. У меня была хорошая зарплата старшего специалиста, абсолютно прозрачный бюджет, и я точно знала цену качественным, долговечным вещам. Консультант, высокий парень с бейджиком на груди, мгновенно считал мой рабочий настрой и не стал предлагать мне кислотно-розовые ветровки для утренних пробежек или тонкие флисовые кофточки.

- Посмотрите вот эту модель, - парень бережно снял с вешалки тяжелую, плотную трекинговую куртку. - Трехслойная мембрана, полностью проклеенные швы, идеальная защита от шквального ветра и влаги. И цвет в этом сезоне очень удачный, не выгорает на солнце.

Цвет действительно был роскошным. Не унылый бежевый, не маркий белый и не скучный черный, а глубокий, благородный горчичный оттенок, напоминающий опавшую листву в старом городском парке. Я прошла в примерочную, сняла свой плотный твидовый жакет, в котором сегодня ходила на работу, и накинула новую куртку прямо поверх тонкой кашемировой водолазки. Высокотехнологичная ткань приятно зашуршала, плотные манжеты на липучках мягко обхватили запястья. Куртка села безупречно. Она не делала меня бесформенным мешком, но при этом оставляла

достаточно свободы для активных движений руками.

Затем настала очередь обуви. Я стянула свои городские лоферы и всунула ноги в массивные, высокие ботинки из плотного нубука с агрессивным, зубастым протектором подошвы. Затянула крепкие шнурки, фиксируя голеностоп. Встала и перенесла вес с пятки на носок.

Ощущение было поразительным. В этих ботинках появилась невероятная, почти гравитационная устойчивость. Казалось, в них можно пройти сквозь любую бюрократическую стену, прошагать по любому бездорожью и не заметить ни единой лужи. Я смотрела на свое отражение в большом зеркале примерочной. Оттуда на меня глядела не отчаявшаяся разведенная дама в поисках утраченной молодости и не уставшая библиотекаряша в стоптанных тапках. На меня смотрела статная, собранная женщина пятидесяти шести лет, ведущий краевед города, которая готовится к самой интересной и опасной экспедиции в своей жизни. И этот теплый горчичный цвет потрясающе освежал лицо.

- Я беру куртку и ботинки, - уверенно сказала я консультанту, выходя из кабинки и протягивая ему вещи. - И еще подберите мне пару хороших термоносков. Если уж покорять исторические руины, то с максимальным комфортом для пальцев ног.

Расплатившись на кассе, я вышла из магазина, держа в руке объемный, тяжелый бумажный пакет с покупками. До конца пятничного вечера оставалась еще уйма времени. Я

неспешно шла к эскалатору, прикидывая в уме, стоит ли зайти на первый этаж в фермерскую лавку за куском хорошего выдержанного сыра к вечернему чаю, когда в кармане брюк коротко и требовательно завибрировал телефон.

Я достала аппарат. На экране светилось имя: «Борис Коновалов».

- Слушаю вас, Борис Николаевич, - я ответила после второго гудка, машинально сбавив шаг у стеклянного ограждения.

- Добрый вечер, Клара Николаевна. Надеюсь, не сильно отвлекаю? - его голос, пропущенный через динамик, звучал так же ровно и глубоко, как вживую. На фоне слышался приглушенный шум автомобильных моторов и шелест шин по мокрому асфальту. - Я сейчас закончил калибровку георадара по тем координатам, что вы мне дали. Пришлось немного повозиться с настройками плотности грунта, аппаратура капризничала. Вы, судя по гулу на заднем фоне, не дома?

- Вы очень проницательны. Я в торговом центре, восстанавливаю справедливость в собственном походном гардеробе, - я переложила тяжелый пакет в другую руку. - Приобрела серьезную защиту от завтрашнего дождя. Так что к поискам купеческих тайн я абсолютно готова. Возникли какие-то проблемы с картами?

- Нет, с картами полный порядок, ваш системный администратор сотворил настоящее цифровое чудо. Проблема исключительно с логистикой моего вечера, - в тоне Бориса

скользнула легкая, интеллигентная ирония человека, который не привык навязывать свое общество. - Я сейчас как раз проезжаю центр. Подумал, если вам не нужно срочно бежать домой, чтобы... готовить традиционный пятничный ужин из трех блюд, может, пересечемся на полчаса? Выпьем кофе. Я бы заодно показал вам загруженные сканы на планшете, чтобы завтра на месте не терять драгоценное время в грязи.

Я посмотрела сквозь огромные панорамные окна торгового центра на улицу. Там уже окончательно стемнело. Тяжелые капли начавшегося дождя били по стеклу, размывая свет уличных фонарей и неоновых вывесок в размытые акварельные пятна. Погода портилась строго по нашему расписанию, а вот мое личное расписание претерпевало самые кардинальные изменения за последние три десятка лет.

Мне больше не нужно было бежать на рынок за куском вырезки. Мне не нужно было чистить картошку, стоять у раскаленной чугунной плиты и вслушиваться в звуки в подъезде, ожидая, пока повернется ключ в замке, чтобы подать на стол дымящуюся сковородку с котлетами. Мое свободное время принадлежало только мне, и распоряжаться им я собиралась с максимальным жизненным удовольствием.

- Пятничные ужины из трех блюд остались в прошлой исторической эпохе, Борис Николаевич, - ровным, но теплым тоном ответила я, глядя на танцующие за окном дождевые потоки. - А вот против хорошего кофе я совершенно не возражаю. Вы знаете кофейню у южного входа в торговый

центр?

- Разумеется. Буду там через десять минут.

- Договорились. Американо без сахара меня вполне устроит, - сказала я и первой завершила вызов.

Я убрала телефон обратно в карман. Ветер на улице за двойными дверями молла усиливался, угрожающе раскачивая голые ветки деревьев и обещая нам завтра по-настоящему грязную, тяжелую дорогу. Но внутри меня не было ни капли тревоги. Я перехватила плотные ручки пакета поудобнее и уверенно шагнула на ступеньку эскалатора, чувствуя, как где-то в груди ровно пульсирует ритм абсолютно нового, ни от кого не зависящего времени. Впереди меня ждал отличный кофе, неразгаданные чертежи и мужчина, который умел чинить вековые замки. Жизнь становилась все более захватывающей.

Глава 9. Логистика и американо

- Американо без сахара - это самый честный напиток, Клара Николаевна. В нем совершенно невозможно спрятать плохую обжарку зерен или сэкономить на качестве воды, - произнес Борис, аккуратно ставя свою миниатюрную чашку с эспрессо на блюде.

Я сидела напротив него за небольшим круглым столиком кофейни, расположенной у южного входа в торговый центр. За огромным, от пола до потолка, панорамным окном разворачивалась обещанная синоптиками метеорологическая драма. Тяжелый, сизый осенний ливень безжалостно хлестал по блестящему асфальту парковки, размывая свет уличных фонарей и неоновых вывесок в абстрактные, дрожащие акварельные пятна. Внутри же кофейни царил теплый, обволакивающий уют. Здесь густо пахло молотой корицей, свежей сдобной выпечкой и той специфической, дорогой арабикой, которая с первого глотка проясняет мысли и настраивает на деловой лад.

На соседнем деревянном стуле покорно покоился мой объемный, увесистый бумажный пакет со свежкупленной мембранной курткой и треккингowymi ботинками. Сама я все еще была одета в свой рабочий твидовый жакет и тонкую кашемировую водолазку, в которых провела весь этот бесконечный пятничный день среди библиотечных картотек.

Я сделала небольшой глоток из своей большой кружки. Кофе был действительно идеальным - с легкой, благородной кислинкой и плотным, долгим послевкусием.

Удивительная штука - человеческая память. Она работает как упрямый, педантичный архивариус, постоянно подсовывая тебе карточки из прошлых лет для сравнения. Мой бывший муж Толик совершенно не был нищим, жадным маргиналом или бытовым тираном. Он честно приносил свою зарплату водителя в дом, умел чинить розетки и никогда не упрекал меня за покупку хорошей косметики. Но у него была железобетонная, неискоренимая консервативная привычка переводить абсолютно любой комфорт в строгий практический эквивалент.

Окажись он сейчас со мной в этой уютной кофейне, атмосфера была бы безнадежно испорчена в первые же три минуты. Толик непременно бы нахмурился, изучил меню с таким видом, словно это приговор суда по делу о растрате, и начал бы нудно высчитывать вслух, что за стоимость этих двух чашек кофе можно купить целую банку растворимого суррогата, килограмм отборной гречки, и еще останется на половину батона «Докторской» колбасы. И я бы сидела напротив, чувствуя глупую, совершенно иррациональную вину за то, что просто захотела посидеть в красивом месте и выпить вкусный напиток, приготовленный чужими руками.

Борис же сидел расслабленно, с естественным достоинством человека, который не пытается казаться кем-то другим

и уж точно не считает каждую потраченную на свой комфорт копейку преступлением против бюджета. От его плотной походной куртки едва уловимо пахло морозным озоном и хорошим трубочным табаком - запахом, который удивительно органично вписывался в густой аромат кофейных зерен.

- Ваш Ярослав сотворил настоящее цифровое чудо, - Борис не стал тратить время на пустые светские расшаркивания и просто положил на стол свой рабочий планшет, аккуратно сдвинув в сторону стеклянную сахарницу.

Я наклонилась над экраном. На ярком дисплее светился скан нашей старой библиотечной кальки. Там, где еще вчера утром было безнадежное, въевшееся синее пятно от пролитой век назад воды, теперь четко проступали каллиграфические цифры. Дореволюционный чертеж, встретившись с современными технологиями и инфракрасными фильтрами, выглядел как послание из другого измерения.

- Координаты в саженях, - Борис провел указательным пальцем по экрану, увеличивая масштаб. - Я перевел их в современную метрическую систему и наложил на актуальную топографическую карту со спутника. Погрешность составляет не более полуметра. Завтра утром мы сможем откалибровать георадар прямо над предполагаемым входом в этот загадочный купеческий подвал. Но есть одна серьезная логистическая проблема.

Он поднял на меня спокойный, сканирующий взгляд и коротко кивнул в сторону залитого дождем панорамного окна.

- Моя «Нива» пройдет где угодно, машина проверена бездорожьем. Но последние пять километров до самой усадьбы - это старая, давно заброшенная лесная грунтовка. При таком затяжном ливне к утру она гарантированно превратится в идеальную глиняную ловушку, где вязнет даже трактор. Нам придется оставить машину у кромки леса и идти пешком. Будет очень грязно, мокро и совершенно некомфортно. Вы уверены, что готовы к такому марш-броску?

Я искренне улыбнулась, откинулась на спинку стула и выразительно похлопала ладонью по своему толстому бумажному пакету.

- Борис Николаевич, я только что инвестировала половину своего аванса в ботинки с таким агрессивным протектором, что в них можно лезть по отвесной скале. А моя новая куртка способна выдержать шторм в Северном море. Мои ноги будут в абсолютном тепле, а моя решимость утереть нос городской мэрии и спасти наш архив абсолютно водонепроницаема. Так что местный суглинок нас не остановит.

В уголках глаз Бориса собрались те самые теплые, ироничные морщинки, которые я заметила еще в день нашего первого знакомства. Он тихо, глубоко рассмеялся, нажимая кнопку блокировки экрана и убирая планшет обратно во внутренний карман. Деловая часть нашего импровизированного совещания была официально закончена. В воздухе повисла та особенная, комфортная пауза, которая возникает только между людьми, которым не нужно судорожно запол-

нять тишину бессмысленным щебетанием о политике или ценах на бензин.

- Вы очень уверенно обращаетесь с картами, навигационным оборудованием и планированием маршрутов, - заметила я, согревая озябшие пальцы о горячие стенки своей кружки. - Рискну предположить, что в свои экспедиции вы привыкли ездить один. Командная работа не раздражает вашего внутреннего одинокого волка?

Борис посмотрел на свой опустевший эспрессо, чуть повернул фарфоровую чашку за ручку и ответил с той сухой, британской сдержанностью, которая выдает сильных людей, переживших настоящую потерю.

- Одинокий волк - это слишком романтичный и пафосный штамп для военного пенсионера, Клара Николаевна. Все гораздо прозаичнее и проще. Моя жена ушла из жизни восемь лет назад. Обычная болезнь, с которой медицина не справилась. Дети давно выросли, осели в столице, у них свои семьи, ипотеки, корпоративные дедлайны и совершенно другая жизнь. А эти поездки, пыльные архивы, старые чертежи - это мой личный способ поддерживать порядок в мыслях. Движение просто не дает заржаветь ни суставам, ни мозгам.

В его голосе не было ни грамма слезливой трагедии, жалости к себе или скрытой попытки выдавить из меня женское сочувствие. Это была честная констатация факта от взрослого мужчины, который научился жить со своей историей, уважать ее и двигаться дальше.

- Я прекрасно вас понимаю, - мягко кивнула я, глядя ему прямо в глаза. - У каждого свой проверенный способ справиться с внезапно образовавшейся пустотой. Я, например, последние три дня спасаюсь тем, что методично заполняю бюрократические акты на ветхие газеты и пеку непозволительно много домашних пирогов.

Борис вопросительно приподнял бровь, и я, так же ровно и спокойно, без заламывания рук, театральных вздохов и проклятий в адрес разлучниц, обрисовала ему свою личную диспозицию.

- Мой законный брак, длившийся тридцать лет, благополучно и официально завершился в этот вторник. Мой муж внезапно решил, что бытовая рутина, стабильность и горячие ужины блокируют его истинную жизненную сущность. Он обнаружил в себе энергию древнего воина и ушел к женщине, которая профессионально раскрывает чакры и питается исключительно сырым сельдереем. Так что теперь у меня есть полный холодильник отличных продуктов, которыми мне совершенно некого кормить, просторная двушка, где никто не делает телевизор громче раздражающего предела, и огромная библиотека, которую я намерена защищать от бульдозеров до последнего вздоха.

Борис не стал изображать дежурное сочувствие. Он не стал говорить банальные, набившие оскомину фразы в духе «он еще пожалеет о своем уходе» или «вы такая прекрасная женщина, все еще впереди». Он просто прекрасно понял

весь абсурд и комизм моей ситуации.

- Древний воин, питающийся сельдереем? - Борис покачал головой, и на его губах заиграла откровенная усмешка.
- Боюсь, на такой радикальной диете его воинственная энергия очень скоро закончится где-нибудь в районе кабинета гастроэнтеролога. Вы потрясающе держите удар, Клара. Редко встретишь человека с такой здоровой самоиронией.

Мы обменялись долгими, понимающими взглядами. В этом мимолетном моменте не было никаких дешевых искр страсти, никто из нас не пытался случайно коснуться руки другого, чтобы вызвать физиологическую дрожь, как пишут в плохих женских романах. Это была глубокая, уютная солидарность двух сформировавшихся личностей. Людей, которые уже давно ничего не ждут от сказочных принцев, но все еще умеют ценить хорошую, умную компанию и качественный кофе.

Спустя пятнадцать минут мы покинули тепло кофейни. Борис оплатил счет за наши напитки так легко и естественно, не делая из этого широкого барского жеста, что я даже не подумала устраивать глупых споров из-за двухсот рублей, просто с благодарностью приняв эту мужскую вежливость.

На улице нас встретил настоящий осенний шквальный ветер. Он безжалостно трепал пластиковые навесы над зоной парковки, а дождь стоял сплошной, непроглядной серой стеной. Борис проводил меня до стоянки официального такси, заботливо прикрывая от самых резких порывов ветра сво-

им широким плечом, сам открыл дверцу подъехавшей желтой машины и аккуратно помог пристроить на заднее сиденье мой драгоценный бумажный пакет с экипировкой.

- Завтра ровно в семь ноль-ноль я буду ждать вас у подъезда. Одевайтесь теплее, Клара Николаевна. Нас ждет по-настоящему качественная грязь.

- До завтра, Борис Николаевич, - я улыбнулась ему из теплого салона, и дверца с глухим звуком захлопнулась, отсекая шум непогоды.

Такси плавно тронулось с места, осторожно вливаясь в вечерний, блестящий от воды поток машин. В салоне тихо бормотало какое-то ретро-радио, а воздух был густо пропитан запахом дешевого автомобильного ароматизатора «елочка», который безуспешно пытался пахнуть настоящим хвойным лесом. Я прислонилась виском к прохладному стеклу, по которому змеились быстрые, нервные дорожки дождевых капель, и смотрела на проплывающие мимо огни моего родного Зареченска.

И внезапно, под мерный гул автомобильного мотора, меня накрыло абсолютно ясным, кристально чистым осознанием.

За весь этот вечер, проведенный за столиком кофейни, я ни разу не вспомнила о Толике. Ни единого раза. Мой мозг не генерировал липкую обиду, не прокручивал в тысячный раз картинку его ухода с графитовыми чемоданами, не пытался мстительно представить, чем он сейчас занимается со своей просветленной Ванессой. В моей голове про-

сто не осталось для него свободного места. Все мое внутреннее пространство было занято старыми картами, предвкушением завтрашнего марш-броска, запахом морозного озона и тем самым идеальным американо.

Я достала из сумочки телефон. Смахнула пару рабочих уведомлений из библиотечного чата и открыла приложение часов. Спокойным, выверенным движением большого пальца я установила утренний будильник на пять часов тридцать минут. Мне нужно было обязательно успеть проснуться до приезда Бориса, чтобы заварить в дорогу правильный, крепкий черный чай с чабрецом и перелить его в хороший металлический термос. В конце концов, настоящие краеведы не ездят на исторические раскопки с пустыми руками.

Моя жизнь определенно набирала правильную скорость, и мне категорически нравился этот новый, непредсказуемый маршрут.

Глава 10. Грязь, джаз и старая «Нива»

- Идеальный горчичный цвет, Клара Николаевна. Как раз под оттенок местной суглинки, - одобрительно произнес Борис, забирая из моих рук тяжелый походный рюкзак.

- Спасибо, Борис Николаевич. Искренне надеюсь, что маскировочные свойства этой куртки нам сегодня не понадобятся, - улыбнулась я, аккуратно перешагивая через глубокую, пузырящуюся лужу у подъезда.

Утро субботы встретило нас классической, беспросветной осенней хмарью. Всю ночь над Зареченском бушевал шквальный ливень, и теперь город был похож на плохо отжатую серую губку. Мелкая, колючая морось лениво оседала на асфальте, но мне было абсолютно, невероятно комфортно. Моя мембранная куртка надежно держала оборону против промозглой сырости, а агрессивные протекторы новеньких треккингowych ботинок внушали чувство полнейшей гравитационной непогрешимости.

Борис открыл передо мной пассажирскую дверь своей машины. Это была не ржавая консервная банка рыбака-любителя, а ухоженная, матово-зеленая «Нива», в идеальном состоянии которой безошибочно читалась военная дисциплина ее владельца. Я забралась в салон. Здесь было тепло, уют-

но пахло нагретым пластиком, техническим маслом и тем самым едва уловимым, благородным трубочным табаком, который я заметила еще в день нашего первого знакомства в библиотеке.

- Пристегивайтесь. Нас ждет весьма ощутимая болтанка, - предупредил Борис, садясь за руль и захлопывая дверь, отсекая шум непогоды. Двигатель отозвался ровным, уверенным урчанием.

Мы выехали за пределы сонного, умытого дождем Зареченска и вскоре свернули на лесную грунтовку. Те самые пять километров, о которых Борис предупреждал накануне в кофейне, выглядели так, словно здесь ночью прошла тяжелая танковая дивизия. Раскисшая рыжая глина, глубокие колеи, до краев заполненные мутной водой, и скользкие, обнаженные корни старых сосен.

Борис плавно переключил передачу, и машина, чуть рыкнув, упрямо поползла по этому безнадежному бездорожью. Из динамиков магнитолы негромко, но поразительно чисто полился инструментальный джаз. Мягкие, обволакивающие переливы саксофона удивительно гармонично ложились на ритмичный скрип дворников, смахивающих водяную пыль с лобового стекла.

Я сидела в удобном кресле, смотрела на мелькающие мокрые стволы деревьев и ловила себя на мысли, насколько эта поездка не похожа на весь мой предыдущий автомобильный опыт. Удивительно, как совместная дорога, особенно по пло-

хой местности, мгновенно проявляет истинную суть человека.

Тридцать лет наши с Толиком редкие вылазки на дачу напоминали локальную, изматывающую войну нервов. Мой бывший муж вцеплялся в руль побелевшими пальцами, его спина каменела, а лицо приобретало выражение великомученика, несущего свой крест. Он нудно, монотонно ругался на каждую ямку, обзывал других водителей некомпетентными идиотами и требовал гробовой тишины в салоне. Мы всегда ехали в гнетущем напряжении, прерываемом лишь новостями по радио о надоях, политике и криминале. В багажнике при этом обязательно тряслась рассада кабачков, пахнущая сырой землей и мокрым картоном, а в воздухе висело стойкое осознание, что мы едем не отдыхать, а отбывать тяжелую крестьянскую трудовую повинность.

Борис же вел машину совершенно иначе. Расслабленно, с достоинством капитана небольшого, но очень надежного судна. Он не боролся с дорогой, он с ней сотрудничал. Машину ощутимо качало на ухабах, нас переваливало с боку на бок, но в этом движении не было ни грамма агрессии, суеты или мужского самоутверждения.

- Судя по плотности почвы, вода ушла неглубоко, в основном стоит на поверхности, - нарушил уютную тишину Борис, виртуозно обходя очередную глубокую яму по самому краю обочины. - Георадар крайне капризен к поверхностной влаге, но мы попробуем откалибровать его на средние частоты.

Вы как, Клара Николаевна? Не укачивает на этих волнах?

- Я в абсолютном порядке, - ответила я, опираясь локтем о дверцу и делая глоток из термокружки, которую предусмотрительно взяла из дома. - Хороший джаз и правильная подвеска творят настоящие чудеса. Знаете, я вдруг поняла, что впервые за много лет еду за город без длинного, нудного списка бытовых задач в голове. Никакой прополки грядок, никакого спасения урожая помидоров от фитофторы. Только чистая, незамутненная историческая авантюра.

Борис коротко, понимающе усмехнулся, не отрывая внимательного взгляда от скользкой колеи.

Спустя еще двадцать минут плотный хвойный лес наконец расступился, и «Нива» остановилась у края обширного, заросшего пустыря. Дальше пути для транспорта категорически не было.

Мы вышли из машины, ежась от промозглого ветра. Перед нами, под низким, нависшим свинцовым небом, раскинулись руины загородной усадьбы купцов Каблуковых. Это зрелище завораживало своей суровой, почти готической красотой. Остатки монументальной дореволюционной кирпичной кладки торчали из земли, словно обломанные зубы огромного каменного чудовища, уснувшего здесь целый век назад. Стены давно рухнули, уступив место плотной стене мокрого, почерневшего от осенних дождей бурьяна. Молодые деревья успели нагло прорасти прямо сквозь то, что когда-то было парадным крыльцом. В воздухе густо пахло пре-

лыми листьями, озоном и историей, которая отказывалась умирать бесследно.

Я сделала смелый шаг от спасительного твердого островка прямо в раскисшую, чавкающую глину. Мои новые ботинки с честью выдержали первое полевое испытание: рельефная подошва вцепилась в скользкий грунт намертво. Я стояла абсолютно твердо, ноги были в сухости и тепле. Ощущение физического комфорта в диких условиях придавало невероятную внутреннюю силу. Желание мстить бывшему мужу с помощью шпилек, обтягивающего платья и простуженных почек - удел невротичек из плохих сериалов. Настоящая, взрослая свобода измеряется качеством проклеенных швов на туристической экипировке.

Борис обошел машину, открыл багажник и принялся собирать свое оборудование. Георадар в разобранном виде напоминал футуристическую, массивную газонокосилку с толстыми колесами для бездорожья и защищенным дисплеем на длинной ручке.

- Оставляйте сумку в салоне, Клара Николаевна, возьмем только самое необходимое, - скомандовал он, проверяя заряд аккумулятора на рабочем планшете. - Площадь усадьбы приличная. Если ориентироваться на ту кляксу с координатами, которую так виртуозно восстановил ваш системный администратор, нам нужно уходить правее, к остаткам фруктового сада.

- Прежде чем мы начнем сканировать местный суглинок,

нам необходимо откалибровать наши собственные силы, - решительно заявила я, откидывая задний борт «Нивы», который мгновенно превратился в отличный, надежный походный стол.

Из недр своего рюкзака я извлекла пузатый стальной термос и плотный пластиковый контейнер. Я никогда не понимала женщин, которые отправляются в лес с пакетиком леденцов и бутылкой холодной минералки. Правильная поисковая логистика всегда начинается с грамотного углеводного окна. В контейнере лежал испеченный мной сегодня на расвете сытный, румяный галетный пирог. Вернувшись вчера поздно вечером из торгового центра, я предусмотрительно переложила из морозилки в холодильник порцию своего фирменного рубленого теста. А проснувшись сегодня пораньше, быстро собрала начинку. Никакого скучного магазинного пластика - только толстый слой обжаренных лесных грибов, сладкий лук и щедрая горсть ароматного тимьяна.

Я налила в походные металлические кружки обжигающий, темный чай с чабрецом и протянула один солидный, еще сохранивший тепло духовки ломоть пирога Борису.

- Клара Николаевна... - Борис принял угощение, вдохнул густой аромат домашней выпечки, и в его серых глазах мелькнуло неподдельное, теплое восхищение. - Если мы сегодня совершенно ничего не найдем в этой грязи, я все равно буду считать нашу экспедицию абсолютно успешной. Ваш кулинарный талант способен с лихвой компенсировать лю-

бые провалы в топографии.

- Ешьте, Борис Николаевич. Грибная начинка превосходно стимулирует дедукцию и пространственное мышление, - тепло улыбнулась я, присаживаясь на край бампера.

Мы чокнулись кружками, отпивая горячий, терпкий напиток. Вокруг стояла потрясающая, глубокая осенняя тишина, прерываемая лишь равномерным шелестом дождя по капюшонам наших курток. Мне было так спокойно и органично в этом моменте, что хотелось физически поставить его на паузу. Никакой суетливой беготни по рынку, никаких чужих бытовых капризов, только вкусная еда, умный, надежный напарник и вековая тайна, которую нам предстояло разгадать.

Я сделала еще один глоток чая и уже открыла рот, чтобы расспросить его о технических тонкостях настройки радара, как вдруг звуковой фон леса резко, без малейшего предупреждения изменился.

Я замерла, опустив кружку. Борис мгновенно подобрался, его расслабленная поза исчезла, уступив место собранной, жесткой армейской стойке.

Сквозь монотонный шум морозящего дождя и скрип мокрых веток со стороны заросшего бывшего фруктового сада донесся отчетливый, категорически чужеродный звук. Это был пронзительный, назойливый металлический писк, который ни с чем нельзя было спутать. А следом за ним раздался наглый хруст ломаемого бурьяна и тяжелое чавканье резиновых сапог по грязи.

Мы обменялись быстрыми, понимающими взглядами. В этой непролазной глуши, на руинах забытой купеческой усадьбы, где мы собирались втайне искать дореволюционный архив, мы оказались совершенно не одни. И судя по характерному, ритмичному звуку работающего металлоискателя, эти гости пришли сюда не за романтикой разрушенных стен.

Глава 11. Монтировка и свет прожектора

В классических приключенческих романах, которые я за двадцать пять лет работы десятками каталогизировала в нашей зареченской Центральной библиотеке, появление врага всегда предваряет изящный, зловещий хруст сухой ветки или, на худой конец, тревожный крик какой-нибудь ночной птицы. Писатели любят нагнетать атмосферу элегантными деталями. В реальности же нашего раскисшего осеннего пустыря незванный гость приближался под аккомпанемент громко чавкающей рыжей глины, треска ломающихся кустов и отборного, виртуозного, многоэтажного мата.

Я стояла у открытого багажника матово-зеленой «Нивы», держа в руках металлическую термокружку с горячим чаем, и с легким, почти академическим интересом наблюдала, как заросли мокрого, почерневшего от затяжных ночных дождей бурьяна с шумом раздвигаются. Погода совершенно не собиралась меняться к лучшему или делать нам поблажки. Мелкая, колючая осенняя морось продолжала методично, капля за каплей, оседать на плотную ткань моей новой мембранной куртки благородного горчичного цвета. Агрессивные, массивные протекторы треккингowych ботинок намертво вцепились в скользкий суглинок, обеспечивая мне идеальную гра-

витационную непогрешимость. Мне было удивительно тепло, сухо и комфортно, чего категорически нельзя было сказать о человеке, который наконец-то вывалился из кустов на небольшую поляну перед руинами купеческой усадьбы.

Это был мужчина неопределенного возраста, из той категории людей, которых годы дешевого алкоголя и отсутствия стоматологической помощи лишают четких возрастных ориентиров. На нем был надет бесформенный, покрытый бурыми пятнами грязи армейский плащ-палатка, а на ногах красовались огромные черные резиновые сапоги, до половины залепленные глиной. В одной руке этот местный колоритный персонаж сжимал штангу дешевого, перемотанного синей изолентой металлоискателя, который издавал противный, монотонный писк. А вот во второй руке он держал старую, увесистую железную монтировку с отчетливыми следами ржавчины.

Мужик остановился, тяжело и хрипло дыша. От него даже на расстоянии пары метров ощутимо повеяло перегаром, запахом мокрой псины и застарелым табаком. Он мутным, недобрым взглядом окинул нашу уютную стоянку. Его глаза, красные от недосыпа или вчерашних возлияний, мгновенно сфокусировались на дорогой, ухоженной машине Бориса, а затем перебежали на багажник. Там, на откинутах борту, рядом с моим пластиковым контейнером из-под галетного пирога, лежал в полуразобранном виде георадар - сложный, высокотехнологичный прибор с защищенным экраном, ко-

торый стоил как половина квартиры в нашем провинциальном Зареченске.

В глазах незваного гостя отчетливо, как на табло кассового аппарата, щелкнула жадность, густо замешанная на территориальной агрессии.

- Чего забыли тут, городские? - хрипло и нагло поинтересовался он, делая тяжелый шаг в нашу сторону и угрожающе поигрывая монтировкой. - Вы не по адресу приехали на своем джипе. Это моя делянка. Я тут уже пятый год железо тягаю. А ну, сворачивайте свою шарманку с экраном и валите на трассу, пока я вам колеса не спустил. И приборчик этот модный тоже оставьте, в качестве компенсации за моральный ущерб.

Мой бывший муж Толик, столкнувшись с подобной первобытной наглостью где-нибудь на проселочной дороге, непременно начал бы суесться. Его знаменитая энергия древнего воина в реальности обычно сводилась к тому, чтобы заблокировать двери в машине изнутри и начать нервно, на повышенных тонах, препираться через приоткрытое стекло, поминутно срываясь на фальцет. Толик искренне верил, что громкий крик и покрасневшее лицо - это главные аргументы в любом мужском споре.

Борис же повел себя совершенно иначе. В его движениях не было ни грамма суеты, ни капли театрального мачизма или желания покрасоваться передо мной. Он абсолютно спокойно, с грацией человека, который в своей жизни ви-

дел вещи куда пострашнее пьяного мужика с куском ржавого железа, поставил свою кружку с чаем на край бампера. Затем сделал полшага вперед, плавно, но очень недвусмысленно заслоняя меня и багажник с аппаратурой своим широким плечом. От его трекинговой куртки все так же ровно пахло морозным озоном и трубочным табаком. Никакого запаха страха или адреналиновой агрессии.

- Уважаемый, вы ошиблись, - голос Бориса звучал глубоко, ровно и обескураживающе вежливо. Так разговаривают с неразумными, но буйными подростками. - Мы здесь находимся по официальному запросу областного исторического архива для проведения топографических замеров местности. Поэтому я настоятельно рекомендую вам развернуться, пойти туда, откуда вы пришли, и продолжить поиски металлолома в другом квадрате. Конфликт со мной не принесет вам ни материальной, ни физической выгоды.

Но «уважаемый», судя по всему, находился в той стадии алкогольного куража, когда инстинкт самосохранения надежно блокируется чувством собственной безнаказанности. Логические доводы отскакивали от него, как горох от бетонной стены. Он сплюнул под ноги грязную слюну, перехватил монтировку поудобнее и с коротким, лающим рыком шагнул прямо на Бориса, делая широкий замах железным прутком. Мужик целился не столько в человека, сколько в край открытого багажника, явно намереваясь вдребезги разнести лежащий там дорогой георадар, чтобы взять нас на элемен-

тарный испуг.

В плохих, клишированных сериалах, которые Люся иногда смотрела с телефона в обеденный перерыв, героиня моего возраста в этот момент должна была бы пронзительно завизжать, закрыть лицо руками или, что еще глупее, броситься грудью наперерез удару, драматично падая в грязь.

Но мой мозг, привыкший систематизировать гигантские объемы информации и находить нужную карточку в каталоге за считанные секунды, сработал с кристальной, холодной ясностью.

Я не была беспомощной барышней из девятнадцатого века. И я не собиралась просто так отдавать на растерзание прибор, который мог спасти мою библиотеку. Рядом с моим стальным термосом, прямо на краю бампера, лежал мощный тактический фонарь в ребристом алюминиевом корпусе. Борис вытащил его из сумки вместе с георадаром на случай, если нам придется подсвечивать глубокие ямы. Я быстрым, расчетливым движением поставила свою кружку на бампер, схватила холодную рукоятку фонаря, направила его точно в лицо нападающему и с силой вдавила прорезиненную кнопку в торце, сразу включая режим аварийного стробоскопа.

Эффект превзошел все мои самые смелые ожидания. В сумраке дождливого, беспросветно серого осеннего утра вспыхнул ослепительный, пульсирующий с бешеной скоростью сноп белого света. Это было похоже на персональную, локальную техно-вечеринку посреди глухого болота. Луч

ударил копателю прямо по расширенным зрачкам. Мужик издал сдавленный, жалобный звук, похожий на скулеж, инстинктивно зажмурился и вскинул левую руку, пытаясь защитить глаза от невыносимой, бьющей по мозгам вспышки. Его замах монтировкой сбился, потерял траекторию и силу. Железный прут лишь вскользь, со слабым звоном чиркнул по пластиковой накладке бампера «Нивы», не причинив никакого вреда георадару.

И в этот самый момент, пока агрессор был полностью дезориентирован моим световым шоу, Борис перешел к активной фазе переговоров.

Он не стал изображать из себя героя боевика, не стал крутить сложные сальто или бить мужика кулаком в лицо, рискуя повредить костяшки пальцев. Все произошло стремительно, скупое и невероятно профессионально. Борис сделал короткий шаг в сторону, уходя с линии удара, и провел резкую, техничную подсечку своим тяжелым ботинком с агрессивным протектором прямо под колено нападающему.

Звук, с которым местный хозяин руин встретился с реальностью, был потрясающе неромантичным. Раздался громкий, сочный «чавк» - мужик рухнул спиной прямо в глубокую лужу, до краев наполненную жидкой рыжей глиной. Его металлоискатель отлетел в сторону, жалобно пискнув напоследок, а монтировка выскользнула из разжавшихся пальцев. Густые брызги грязной воды веером разлетелись во все стороны. Одна крошечная, мутная капля даже долетела до ру-

кава моей куртки, но в тот момент меня это совершенно не волновало. Мембранная ткань легко справлялась и не с таким.

Я мгновенно выключила фонарь, возвращая поляне ее привычный осенний полумрак.

Борис не дал противнику ни единого шанса опомниться. Он шагнул вперед и намертво, всем своим немалым весом наступил ботинком на запястье копателя, пресекая любые попытки дотянуться до монтировки. Затем, не отрывая взгляда от барахтающегося в грязи мужика, Борис протянул руку назад, в багажник «Нивы». Его пальцы безошибочно нащупали то, что нужно. Он извлек на свет автомобильный буксировочный трос - плотную, широкую синтетическую ленту кислотно-оранжевого цвета с тяжелыми металлическими крюками на концах.

Пара быстрых, неуловимых движений, короткий рывок - и руки копателя оказались жестко, надежно стянуты за спиной этой самой оранжевой лентой. Борис перевернул его на живот, впечатав лицом в мокрый бурьян, и буднично отряхнул ладони.

- А теперь, уважаемый, мы с вами проведем небольшой юридический ликбез, - произнес Борис тоном уставшего, но очень педантичного университетского лектора. Он стоял над поверженным врагом, и в его голосе не было ни капли злобства или торжества. Только холодный, методичный расчет. - То, чем вы тут занимались последние пять лет - неза-

конный поиск археологических предметов. Это административная ответственность, штраф и конфискация вашего китайского прибора. Мелочь, согласен. Но вот то, что вы сделали пять минут назад, замахнувшись на меня монтировкой - это уже статья сто шестьдесят вторая Уголовного кодекса. Разбойное нападение с применением предметов, используемых в качестве оружия. А это, дорогой мой любитель старины, до десяти лет лишения свободы. Учитывая ваше явное состояние алкогольного опьянения, суд не найдет смягчающих обстоятельств.

Копатель на земле перестал барахтаться. До него, несмотря на перегар и шок от падения, наконец-то дошел весь леденящий душу смысл сказанного. Казенный, бюрократический язык, которым Борис оперировал с такой легкостью, подействовал на маргинала гораздо эффективнее любых угроз физической расправы.

- Командир... да ты чего... - жалобно, сипло заскулил мужик, пытаясь выплюнуть изо рта набившуюся глину. - Я ж это... просто припугнуть хотел. Пошутил я. Отпусти, командир, бес попутал. Не буду я вам мешать, копайте свои замесы.

Это было поразительное зрелище. Как легко сдувается вся эта показная, агрессивная животная спесь, когда она сталкивается с настоящей, системной силой и абсолютным спокойствием. В этот момент я поймала себя на мысли, что любуюсь профилем Бориса. В нем была та самая надежность взросло-

го мужчины, которую невозможно купить на тренингах по раскрытию чакр или сымитировать с помощью громких монологов в прихожей.

- Пошутил, значит. У вас специфическое чувство юмора, - сухо констатировал Борис.

Он наклонился, поднял из грязи монтировку и, широко размахнувшись, забросил тяжелый железный прут глубоко в непролазную чащу старого кустарника. Послышался треск ломающихся веток, и металл с глухим стуком упал где-то очень далеко. Затем Борис опустился на одно колено, быстро развязал буксировочный трос и одним мощным рывком за шкурку вздернул копателя на ноги.

- Свободен, - коротко, без лишних эмоций скомандовал он. - И если я еще раз увижу твой плащ в радиусе километра от этой усадьбы, мы продолжим наш разговор уже в кабинете следователя. Время пошло.

Мужику не нужно было повторять дважды. Он судорожно схватил свой пищащий металлоискатель, развернулся и, смешно спотыкаясь в своих огромных резиновых сапогах, прихрамывая, бросился бежать в сторону леса. Буквально через минуту треск ломаемых им веток стих в отдалении, поглощенный шумом монотонного осеннего дождя.

На поляне перед руинами снова повисла та самая тишина. Только теперь она не казалась зловещей или гнетущей. Это была тишина очищенного пространства.

Борис аккуратно свернул испачканный в глине буксиро-

вочный трос, убрал его в дальний угол багажника и достал из кармана бумажный платок, чтобы вытереть руки. Затем он повернулся ко мне. Его взгляд внимательно, сканирующе прошелся по моему лицу, отмечая малейшие нюансы мимики.

- Вы в порядке, Клара Николаевна? - тихо спросил он. В его глубоком голосе впервые за это утро скользнула искренняя, теплая тревога. - Не испугались? Извините за этот незапланированный цирк. Местный колорит оказался чуть более агрессивным, чем я предполагал.

Я стояла, все еще держа руку на алюминиевом корпусе выключенного фонаря. Мое дыхание было слегка учащенным, а кончики пальцев едва заметно покалывало - верный признак того, что адреналин, выброшенный в кровь во время стычки, начал медленно отступать. Я посмотрела на Бориса, на его испачканный грязью ботинок, перевела взгляд на свои собственные ноги в идеальных ботинках, и вдруг почувствовала, как где-то внутри, в самом центре груди, начинает зарождаться пузырек смеха.

Он поднимался все выше, щекоча горло, сметая на своем пути остатки библиотечной солидности и многолетней привычки держать лицо в любой ситуации. Я попыталась сжать губы, но потерпела сокрушительное поражение.

Из меня вырвался абсолютно искренний, громкий, заразительный хохот. Я смеялась так, как не смеялась, наверное, со студенческих времен. Это был чистый, терапевтический

смех взрослой женщины, которая вдруг осознала всю сюрреалистичность и великолепии происходящего.

- Борис Николаевич... - выдавила я сквозь смех, утирая выступившую в уголке глаза слезинку. - За все тридцать лет моего брака самым большим экстримом и испытанием нервной системы была битва за свежую говяжью вырезку на субботнем рынке перед праздниками. А тут я стою посреди болота, ослепляю бандитов стробоскопом на тысячу люмен, а вы связываете их буксировочным тросом. Если я расскажу об этом Люсе, она потребует экранизировать мою жизнь!

Борис смотрел на меня несколько секунд, а затем его губы дрогнули, и он тоже не выдержал. Он рассмеялся глубоким, бархатным смехом. Мы стояли у багажника под моросящим дождем, среди древних развалин, и смеялись, сбрасывая в эту серую осеннюю хмарь все напряжение последних дней. Никаких слез о потраченной молодости, никаких сожалений об ушедших мужьях и чужих вибрациях. Только потрясающее, острое чувство того, что мы абсолютно живы.

Отсмеявшись, я оставила фонарь на бампере и взяла свою кружку. Чай с чабрецом успел заметно остыть, но сейчас этот чуть теплый, терпкий напиток казался мне вкуснее самого изысканного вина в дорогом ресторане. Я сделала большой глоток, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

- Что ж, Борис Николаевич, - я поставила пустую кружку в контейнер. Мой голос снова стал спокойным и деловым, но в нем звучала новая, уверенная нотка. - С местным чело-

веческим фактором мы разобрались блестяще. Думаю, пора переходить к тому, ради чего мы сюда приехали. Давайте посмотрим, какие тайны прячет от нас этот архитектурный су-глинок.

Борис согласно кивнул, полностью возвращаясь в рабочее состояние. Он развернулся к багажнику, взялся за длинную, удобную ручку георадара и уверенно, без видимых усилий вытащил тяжелый аппарат на землю. Раздался тихий, технологичный щелчок тумблера. На защищенном дисплее прибора мгновенно вспыхнул ровный, прохладный синий свет, готовый просвечивать историю на метры вглубь. Наша настоящая поисковая экспедиция официально началась.

Глава 12. Пустота под ногами

В кинематографе поиски древних артефактов и потерянных архивов всегда выглядят возмутительно элегантно. Кадры сменяются под бодрящую, вдохновляющую симфоническую музыку. Главные герои в безупречно сидящих, чистых льняных костюмах красиво смахивают мягкой кисточкой вековую пыль с медных сундуков. Никто не показывает, как у Индианы Джонса мерзнут пальцы ног, как промокает термобелье, или как после часа ходьбы по бурелому начинает предательски ныть поясница.

В реальности же саундтреком к нашему грандиозному историческому прорыву служил противный, монотонный писк георадара и тяжелое, назойливое чавканье раскисшей рыжей глины под подошвами наших ботинок.

Смех, которым закончилась наша совершенно нелепая, но крайне эффективная стычка с местным копателем-браконьером, утих минут пятнадцать назад. Адреналин, щедро впрыснутый в кровь во время моего бенефиса со стробоскопом, начал закономерно отступать. На его место немедленно пришла нормальная физиологическая усталость взрослой, пятидесятишестилетней женщины, совершенно не привыкшей к утренним силовым спаррингам посреди заброшенного болота. Моя новая мембранная куртка отлично держала глухую оборону против морозящего дождя, ткань не пропус-

кала влагу, но сам сырой, пробирающий до костей осенний воздух все равно заставлял меня время от времени зябко перередергивать плечами. Однако жесткая подошва ботинок намертво вцепилась в скользкий суглинок, и это чувство физической устойчивости здорово помогало.

Борис стоял посреди заросшего прямоугольника бывшего фруктового сада, прямо перед обломками фундамента, и сосредоточенно нажимал кнопки на защищенном экране своего рабочего планшета. Он тщательно вводил поправки на высокую влажность местного грунта, чтобы чувствительный прибор не ослеп от обилия поверхностной воды. Я решила не стоять истуканом на холодном ветру. Открыв багажник матово-зеленой «Нивы», я достала моток толстой разметочной бечевки и охапку заостренных деревянных колышков. Мой внутренний библиотечарь, привыкший к строгой систематизации, протестовал против хаотичных блужданий по полю. Если мы хотим просканировать эту территорию грамотно, нам нужна была точная сетка координат.

Следующие полчаса мы работали молча и удивительно слаженно: я втыкала колышки в скользкую землю, натягивая шершавый шпагат, а Борис собирал и готовил тяжелую аппаратуру. В этом совместном труде была странная, успокаивающая гармония. Нам не нужно было ничего друг другу доказывать или самоутверждаться за счет партнера.

А затем потянулись долгие, откровенно изматывающие часы поисков.

Дождь совершенно не планировал прекращаться. Он превратился в ту самую безнадежную, мелкую осеннюю изморозь, которая медленно, но верно пропитывает весь окружающий мир унылой серостью. Борис методично, метр за метром, толкал тяжелую каретку георадара сквозь мокрый, почерневший бурьян. Его лицо оставалось предельно сосредоточенным, мелкие капли воды скатывались по коротким седым волосам прямо на поднятый воротник штормовки. Я шла следом, стараясь ступать строго след в след, и фиксировала в рабочем блокноте, который прятала от сырости под полой куртки, номера уже пройденных секторов.

Тяжелая глина налипала на ботинки, превращая каждый следующий шаг в изнурительную силовую тренировку. Мои пальцы в перчатках заметно озябли и потеряли гибкость. Я невольно поймала себя на мысли о бывшем муже. Окажись Толик в подобных условиях, он бы уже раз десять начал нудно, монотонно жаловаться на проклятую сырость, на свое многострадальное колено, на сквозняки и на то, что нормальные люди в законные выходные сидят дома на диване перед телевизором. Борис же не издал ни единого звука недовольства или усталости. Он просто выполнял свою работу с педантичностью настоящего военного картографа.

Внезапно дисплей прибора издал короткий, вибрирующий сигнал. Борис резко остановился, вглядываясь в цветные графики на экране.

- Есть аномалия, - негромко, но очень четко сказал он.

- Глубина залегания около полуметра. Плотность объекта крайне высокая. Это либо массивный металл, либо очень плотный каменный свод.

Внутри меня мгновенно, словно от спички, вспыхнула горячая, щекочущая надежда. Неужели мы нашли? Неужели это и есть та самая хитрая вентиляционная решетка скрытого купеческого подвала? Я бросилась к багажнику, схватила тактический фонарь, а Борис уже извлек из брезентового чехла небольшую, но увесистую саперную лопатку. Мы склонились над раскопом.

Земля поддавалась неохотно, словно пересушенное, старое песочное тесто, которое нерадивая хозяйка забыла сдобрить правильной порцией качественного сливочного масла. Глухой скрежет металла о невидимую преграду заставил меня направить яркий луч белого света прямо на дно ямы. Борис подцепил лопаткой край находки, с усилием потянул на себя и с влажным стуком бросил на мокрую траву... кусок массивной, насквозь проржавевшей дверной петли. А следом за ней извлек из суглинка здоровенную, погнутую кованую подкову.

- Обычный бытовой мусор вековой давности, - абсолютно сухо констатировал он, счищая налипшую глину с лезвия лопатки. - Кто-то просто годами выбрасывал железный хлам на задворках усадьбы. Ложная тревога. Идем дальше.

Мы продолжили наше монотонное сканирование. Надежда, вспыхнувшая было ярким пламенем, начала медленно и

мучительно таять под равнодушным дождем. Спустя еще два бесконечных часа мы полностью обошли весь размеченный бечевкой периметр. Мы просветили радаром буквально каждый метр этого проклятого фруктового сада, каждый холмик и каждую заросшую впадину.

Борис окончательно остановил аппарат прямо по центру пустыря. Он тяжело, с легким присвистом выдохнул, достал из кармана куртки сухой бумажный платок и насухо протер залитый холодными каплями экран планшета. Мужчина долго, невероятно долго смотрел на цветные графики волновых срезов. Его широкие плечи под плотной тканью напряглись. Наконец он поднял голову и коротко махнул мне рукой.

Я подошла ближе, физически чувствуя, как внутри груди сжимается холодный, липкий комок нарастающей тревоги.

- Посмотрите вот сюда, Клара Николаевна, - голос Бориса звучал глухо, в нем отчетливо слышалось с трудом сдерживаемое раздражение на самого себя и свою дорогую технику. Он провел указательным пальцем по экрану, показывая мне ровные, совершенно не прерывающиеся горизонтальные полосы на графике. - Мой радар гарантированно бьет на пять метров вглубь. Пять метров. И на всей этой глубине под нами нет ровным счетом ничего.

Я поправила на переносице намокшую роговую оправу очков, стараясь сфокусироваться на непонятном мне дисплее.

- То есть как ничего? - переспросила я. - Никакого метро-

вого кирпичного фундамента? Никаких замурованных пустот или дренажных систем?

- Абсолютно монолитный, нетронутый столетиями слой плотной глины, - подтвердил Борис. - Геометрия на дореволюционных кальках и тех цифровых сканах, которые мы с вами так тщательно изучали вчера в кофейне, оказалась сто процентной фикцией. Возможно, купец Каблуков действительно планировал эту грандиозную стройку, но ему банально не хватило денег перед самой революцией. Либо архитектор намеренно нарисовал обманку для отвода глаз. Никакого подвала здесь никогда не существовало.

Его слова прозвучали в тишине осеннего леса как окончательный, не подлежащий никакому обжалованию приговор.

Мы молча, не сговариваясь, потащили тяжелое оборудование обратно к машине. Упаковав георадар в багажник, Борис тяжело опустился на откинутый борт «Нивы». Он стянул испачканные перчатки и потер уставшее лицо сухими ладонями. Человек строгой системы, привыкший всю жизнь безоговорочно доверять точным математическим расчетам, он сейчас откровенно и тяжело винил себя за эту провальную вылазку.

Я достала из своего рюкзака пластиковый пищевой контейнер и стальной термос. Налила в наши металлические кружки чай. Он больше не обжигал пальцы, став просто приятно теплым, а галетный пирог с лесными грибами окончательно остыл, но сейчас это было совершенно неважно. Нам

обоим жизненно необходима была порция быстрых углеводов.

Я сделала спасительный глоток чая с чабрецом, и именно в этот момент меня накрыла настоящая, ледяная волна паники. Если мы не найдем эту историческую коллекцию, во вторник утром в мою библиотеку придут демонстрационеры от мэрии. Мой уютный мир, пахнувший старой книжной пылью, мои картотеки, спасенные метрические книги - все это будет варварски разрушено и закатано в бетон ради неоновых вывесок и точек с крафтовым пивом. Запасного плана у меня просто не было. Моя жизнь рушилась во второй раз за эту неделю.

Борис молча взял предложенный кусок пирога. Он выглядел таким расстроенным и подавленным, что моя паника вдруг, словно по невидимому щелчку выключателя, трансформировалась в холодное, концентрированное упрямство. В конце концов, я двадцать пять лет своей жизни по крупинкам восстанавливала историю нашего уезда совершенно не для того, чтобы сдать ее после первой же раскопанной пустой ямы.

Мой мозг профессионального архивариуса, годами привыкший систематизировать хаос и искать недостающие звенья, заработал с удвоенной скоростью. Я откусила свой кусок сытного пирога, тщательно прожевала его и посмотрела прямо в серые глаза Бориса.

- Вы в корне не правы, Борис Николаевич, - твердо и ров-

но произнесла я. - Это совершенно не просто нереализованный архитектурный проект. И уж точно не глупая, бессмысленная шутка градостроителя.

Он удивленно поднял на меня взгляд, перестав жевать.

- Клара Николаевна, я доверяю физике. Под этой землей ничего нет. Прибор не лжет.

- Под этой землей - безусловно, да. А теперь давайте вспомним те микроскопические пометки на полях чертежа, которые на днях так виртуозно вытянул сканером наш системный администратор Ярослав. Масонские циркули, скрещенные отвесы, кирпичная кладка. Это старый, очень сложный, закрытый гильдейский шифр. Архитектор такого высочайшего уровня просто не стал бы тратить свое драгоценное время на то, чтобы маниакально шифровать пустое, грязное место на загородном пустыре.

Я решительно поставила кружку рядом с термосом и скрестила руки на груди.

- Любой шифр - это прежде всего ключ. Запутанный, дорогой в исполнении информационный ключ, - продолжила я, физически чувствуя, как во мне закипает настоящий, живой исследовательский азарт. - И если этот ключ категорически не открывает дверь перед нами, значит вывод только один. Мы просто приехали не к тому зданию.

Борис замер с недоеденным куском в руке. В его глазах медленно, пробиваясь сквозь пелену усталости и разочарования, начало разгораться острое аналитическое понимание.

- Вы хотите сказать, что купец Каблуков заказал подробный чертеж подземного тайника, но умышленно привязал его координаты к фальшивой локации? - негромко спросил он, и в его голосе зазвучала интрига.

- Именно это я и хочу сказать! Он был невероятно умным, хитрым человеком и прекрасно понимал, что обычный бумажный чертеж могут легко выкрасть или скопировать конкуренты. Он намеренно пустил всех потенциальных грабителей по ложному следу, привязав план грандиозного подземного бункера к своей летней загородной резиденции. Хотя на самом деле он строил его в совершенно другом месте!

Борис коротко, беззвучно рассмеялся, качая головой. Усталость на его лице мгновенно сменилась искренним, глубоким восхищением.

- Ваша логика поистине безупречна, Клара. Вы отказываетесь капитулировать даже перед неоспоримыми законами физики.

- Я отказываюсь капитулировать перед холеными чиновниками из департамента имущества, - сухо уточнила я. - В понедельник рано утром я буду на своем рабочем месте. Мы перевернем весь доступный фонд губернского градостроительства вверх дном. Мы проверим абсолютно каждое каменное здание, которым официально или тайно владел Каблуков в черте Зареченска. Мы обязательно найдем ту самую правильную дверь, к которой идеально подходит этот старинный чертеж. Загадка не решена, Борис Николаевич,

она просто оказалась в сто раз изящнее, чем мы изначально предполагали.

Он молча кивнул, полностью соглашаясь с моим планом. Никаких лишних эмоций, никаких пустых утешений или сомнений. Только четкое, мужское понимание нашего следующего совместного шага.

Борис аккуратно закрыл мой пластиковый контейнер до щелчка, положил его рядом с металлическим термосом обратно в рюкзак. Подошел к откинутому борту «Нивы» и с сухим, веским хлопком захлопнул тяжелый багажник, отсекая этот раскисший пустырь от нашего будущего.

Мы сели в теплую, уютную кабину автомобиля. Борис плавно повернул ключ зажигания в замке, и мощный мотор привычно, ровно заурчал. Старая машина медленно, неторопливо двинулась по раскисшей рыжей глине обратно к трассе, увозя нас от разбитых купеческих иллюзий прямоком к понедельнику, который обещал стать самым важным днем во всей моей профессиональной жизни.

Глава 13. Исповедь под коньяк

- Пей, Клара. Иначе я прямо сейчас напишу заявление по собственному желанию, закрою отдел и уйду в женский монастырь. Или в затяжной запой, что в реалиях нашего уездного краеведения гораздо вероятнее и продуктивнее.

Голос Люси Каблуковой предательски дрожал, а замок нашей тесной библиотечной подсобки-кухни только что издал сухой, категоричный щелчок. Подруга стояла прислонившись спиной к обшарпанной крашеной двери, и ее обычно яркое, воинственное лицо сейчас казалось неестественно пепельным на фоне пестрого тропического палантина. Дрожащими руками она выудила из бездонных недр своей объемной кожаной сумки плоскую металлическую фляжку с настоящим армянским коньяком. Этот неприкосновенный запас хранился исключительно для катастроф планетарного масштаба, вроде прорыва труб над стеллажами или внезапной проверки из федерального министерства.

Сегодняшнее утро понедельника определенно и безоговорочно претендовало на статус катастрофы.

А ведь мой день начинался просто безупречно. Вчера, в воскресенье, я позволила себе роскошь абсолютного, качественного эгоизма. Я спала до девяти утра. Затем долго, с особым терапевтическим удовольствием отмывала в ванной свои новые трекинговые ботинки от налипшей рыжей гли-

ны, вспоминая нашу сумасшедшую субботнюю вылазку. Запах мокрой земли и осеннего леса словно вытеснил из квартиры последние молекулы присутствия моего бывшего мужа. Ближе к вечеру я неспешно испекла потрясающую домашнюю чабатту с оливками и вялеными томатами - рецепт, который Толик всегда брезгливо называл «жестким хлебом с травой». Я восстановила силы и пришла на работу в своих любимых темно-синих джинсах, идеально сидящих по фигуре, и том самом бежевом кашемировом кардигане, готовая с ясным умом перерыть всю градостроительную картотеку в поисках других объектов купца Каблукова.

Но вместо пыльных каталогов и научного поиска на моем рабочем столе меня ждал плотный казенный конверт с гербом мэрии. Внутри лежал один-единственный лист бумаги с влажной красной печатью, который одним махом перечеркивал все наши планы. Юристы департамента имущества проявили недюжинную прыть, сослались на аварийное состояние перекрытий и прислали официальное предписание. Отсрочка в два месяца отменялась. Упаковка исторических фондов для переезда на дальний сырой склад должна была начаться немедленно. С сегодняшнего дня. Мой внутренний Индиана Джонс на полном ходу влетел в глухую железобетонную стену российской чиновничьей реальности.

- Убери фляжку, Люся. Алкоголь в девять утра не решает проблем, он лишь временно консервирует их, как плохой дешевый уксус - перезрелые огурцы, - ровным тоном ответи-

ла я, присаживаясь на скрипучий табурет у крошечного кухонного столика. - Нам сейчас нужна кристально ясная голова. Если мы поддадимся панике и начнем собирать коробки, пути назад не будет. Здание передадут инвесторам под этот проклятый гастромаркет уже к концу месяца.

Но Люся меня не послушалась. Она отвинтила металлическую крышку, сделала солидный глоток прямо из горлышка, судорожно выдохнула и тяжело опустилась на соседний стул. В спертom воздухе подсобки, густо пропитанном привычным запахом чайной заварки и старого дерева, мгновенно поплыл терпкий, благородный аромат дубовых бочек и винограда.

- Нам не нужно собирать коробки, Кларка, - вдруг совершенно трезвым, но очень тихим голосом произнесла она, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. - Нам вообще никуда не нужно было ехать в эту вашу субботу. Вы с твоим породистым топографом зря морозили ноги в грязи.

Я нахмурилась, машинальным жестом поправляя на переносице роговую оправу очков.

- Люся, ты меня пугаешь. Что значит - зря?

Подруга перевела на меня взгляд, в котором смешались застарелое чувство вины, отчаяние и какая-то первобытная женская решимость. Она с глухим стуком поставила фляжку на стол, снова запустила руку в свою сумку и на секунду замерла, собираясь с мыслями.

- Клара, ты знаешь меня сто лет. Ты прекрасно знаешь, что

я сорока. Я люблю красивые вещи, театральные жесты, яркие цвета и хорошую посуду. И я физически терпеть не могу, когда по-настоящему красивые, исторические вещи уничтожают ради галочки в отчете, - она нервно сглотнула. - Помнишь тысяча девятьсот девяносто восьмой год? Ту чудовищную ревизию, когда старая директриса приказала списать и отправить в макулатуру целую тонну ветхих архивов двадцатых годов? Они тогда грузили эти папки в мешки, как строительный мусор.

- Прекрасно помню, - медленно кивнула я, чувствуя, как внутри зарождается пока еще неясное, но очень плотное предчувствие. - Мы тогда пытались спасти метрические книги, но комиссия была непреклонна. Документы не имели статуса федерального значения. К чему ты сейчас ворошишь эту старую чиновничью дикость?

- К тому, что я тогда совершила должностное преступление. Настоящее хищение библиотечного фонда, - Люся наконец вытащила руку из сумки.

Она бережно, почти благоговейно положила на выцветшую клеенку нашего кухонного стола небольшую книгу. Это была вещь удивительной, совершенно гипнотической красоты. Плотная обложка была обтянута настоящим, тяжелым темно-вишневым бархатом. За прошедшее столетие ткань заметно потерлась на уголках и по краям корешка, обнажив серую картонную основу, но сам цвет все еще оставался глубоким, насыщенным, похожим на обивку кресел в дорогом

императорском театре. На лицевой стороне тускло поблескивал изящный латунный замочек, давно сломанный и больше не выполняющий своей защитной функции.

- Я утащила ее из мешка на списание, - прошептала подруга, нервно теребя бахрому своего палантина. - Клянусь, Клара, я даже не вчитывалась в текст. Я просто увидела этот потрясающий бархат, эту золотую обрезку страниц, и у меня рука не поднялась отдать ее на растопку. Я принесла ее домой и двадцать лет прятала на самой нижней полке в шкафу, между комплектами постельного белья. Я боялась тебе признаться. Увольнение по статье - это не шутки, особенно в нашем возрасте.

Я сидела абсолютно неподвижно, глядя на вишневый прямоугольник. Мой мозг профессионального архивариуса мгновенно отбросил все лишние эмоции, выключил режим "понимающей подруги" и активировал холодную, сканирующую логику. Я протянула руку и коснулась обложки. Ворс был сухим, слегка шершавым. От книги исходил специфический, ни с чем не сравнимый запах времени - густая смесь сухой лаванды, которой Люся перекладывала белье, сладковатого столярного клея и старых железистых чернил.

- Чья она? - коротко спросила я, осторожно открывая плотную, чуть пожелтевшую страницу первого форзаца.

- Дневник Игнатия Коновалова, - выдохнула Люся. - Того самого управляющего загородным имением купца Каблукова. Родного прадеда твоего Бориса. В пятницу, когда вы

над старыми картами рассказывали про легенду о спрятанной коллекции, у меня в голове словно церковный колокол зазвонил. Я все выходные просидела дома, читала эти каракули с лупой, пыталась разобрать дореволюционный почерк. Там добрая половина страниц посвящена закупкам овса, ремонту телег и ценам на строевой лес. Но есть и другое.

Я больше не слушала ее. Мой взгляд жадно скользил по убористым, выведенным тонким стальным пером строчкам. Почерк был бисерным, невероятно педантичным - идеальное отражение характера человека, привыкшего к строгим математическим расчетам. Страница за страницей я листала плотную бумагу, пропуская скучные хозяйственные записи, пока не добралась до самого конца дневника.

Здесь, на последних листах, датированных концом августа тысяча девятьсот семнадцатого года, тон записей резко менялся. Исчезали списки лесопилок и должников. Появлялись короткие, отрывистые, полные тревоги фразы о нарастающих крестьянских волнениях в уезде, о необходимости срочно спасти самое ценное и о "великом архитектурном обмане", который они совершили вместе с хозяином.

Я провела кончиками пальцев по заднему форзацу. Бумага здесь казалась чуть толще обычного. Я нажала пальцем сильнее. Под плотным листом явно прощупывалось неестественное уплотнение, небольшая, но ощутимая ступенька, категорически не свойственная классическому книжному переплету.

Не говоря ни слова, я достала из кармана своего кардигана костяной медицинский шпатель - мой любимый и абсолютно незаменимый инструмент для тонкой реставрации, с которым я не расставалась даже во время обеденных перерывов. Аккуратно, миллиметр за миллиметром, стараясь дышать через раз, я ввела плоский конец шпателя в крошечную щель между форзацем и бархатной обложкой. Раздался тихий, сухой треск разошедшегося векового клея.

- Клара, что ты делаешь? - ахнула Люся, подавшись всем телом вперед.

Я не ответила. Подцепив край, я ловко разделила листы и извлекла на свет плотно сложенный вчетверо кусок тонкой, шуршащей кальки. Осторожно развернула его, разглаживая жесткие сгибы прямо на столе и отодвинув в сторону банку с дешевым растворимым кофе.

Перед нами лежал чертеж.

На первый, беглый взгляд, он был очень похож на ту самую акварельную копию загородной усадьбы, над которой так виртуозно поколдовал наш айтишник Ярослав. Те же идеальные линии синей тушью, та же безупречная штриховка. Но чем дольше я смотрела на геометрию стен, тем шире открывались мои глаза. Сердце в груди вдруг сделало тяжелый, гулкий удар о ребра и забилося с удвоенной скоростью.

Это была совершенно другая архитектура.

- Люся... - мой голос прозвучал неестественно хрипло. Я сглотнула подступивший к горлу ком и ткнула указательным

пальцем в правое крыло здания на пожелтевшем чертеже. - Ты узнаешь эти высокие полукруглые эркеры? А вот это расположение массивных несущих колонн в центральном фойе?

Подруга низко наклонилась над столом, щурясь без очков. Ее накрашенные губы приоткрылись.

- Боже правый, - прошептала она, и в ее голосе прорвался самый настоящий, неподдельный шок. - Клара, это же...

- Это наш краеведческий отдел, - закончила я за нее, физически ощущая, как все разрозненные кусочки головоломки с идеальным, кристально ясным щелчком встают на свои законные места.

Я двадцать пять лет проработала в этом здании. Я знала каждую его трещину, каждую неровность старинного паркета, каждый сквозняк, гуляющий под высокими сводчатыми потолками. Центральная городская библиотека располагалась в бывшем зимнем городском особняке купца Каблукова. И чертеж на кальке описывал именно его.

Мой палец медленно скользнул в самый центр листа. Там, прямо под помещением, которое сейчас служило парадным читальным залом первого этажа, были нанесены крошечные, филигранные символы. Скрещенные отвесы. Циркули. Идеальная кирпичная кладка. Тот самый закрытый гильдейский шифр, обозначающий глубокую, скрытую от посторонних глаз подземную шахту.

- Каблуков был настоящим гением, - восхищенно выдохнула я, не в силах оторвать взгляд от пожелтевшей бумаги.

- Он заказал два чертежа. Один - фальшивый, привязанный к загородному летнему дому на пустыре, чтобы пустить по ложному следу грабителей и революционные комитеты. А второй, настоящий грандиозный тайник, он обустроил прямо здесь. В центре города. Под своим собственным рабочим кабинетом! И этот архив с коллекцией все эти десятилетия лежал буквально у нас под ногами. Пока мы с Борисом местили грязь на загородном болоте, главная тайна века была здесь!

Внутри меня мгновенно вскипел настоящий, обжигающий исследовательский азарт. Жизнь, которая еще час назад казалась безнадежно придавленной бюрократической плитой, снова обрела потрясающий, острый смысл. Мне не нужны были чужие эзотерические вибрации или утренние медитации на сырой сельдерей, чтобы почувствовать себя живой. Мне нужны были только эти пожелтевшие страницы и человек, с которым можно разделить эту невероятную радость открытия.

Я решительно потянулась к карману джинсов, доставая мобильный телефон. Мне нужно было немедленно, сию же секунду позвонить Борису Николаевичу. Я уже живо представляла, как изменится его спокойный голос, когда я сообщу ему, что его умный георадар нам больше не понадобится, потому что координаты цели находятся по нашему официальному рабочему адресу.

Но набрать заветный номер я так и не успела.

Тяжелая, обитая коричневым кожаменителем дверь нашего краеведческого отдела, ведущая из главного светлого коридора, с протяжным, жалобным скрипом распахнулась настежь. До нашей запертой подсобки донеслись громкие, уверенные мужские голоса и тяжелый топот грязных ботинок. Это совершенно точно были не наши постоянные, интеллигентные читатели-пенсионеры, которые обычно входили в зал тихо, деликатно шаркая подошвами.

Кто-то подошел прямо к двери нашей кухни и властно, без малейшего стука, дернул ручку. Старая железная задвижка возмущенно лязгнула, но выдержала напор.

- Эй, есть тут кто живой? - раздался грубый, прокуренный баритон по ту сторону двери.

Мы с Люсей переглянулись. В ее глазах плескалась откровенная паника, в моих - холодная, сконцентрированная ярость хозяйки, к которой влезли без приглашения. Я мгновенным, отработанным годами движением сложила драгоценную кальку, вложила ее обратно в дневник, а саму бархатную книгу сунула в свою объемную сумку, стоящую на полу. Застегнула молнию, надежно отсекая все возможные вопросы. Затем красноречиво кивнула Люсе на фляжку. Та молниеносно спрятала коньяк, смахнула невидимые пылинки со своего палантина и гордо выпрямила спину.

Я повернула защелку и резко распахнула дверь подсобки. Прямо посреди нашего исторического, натертого мастикой дубового паркета в читальном зале стояли двое. Перво-

го я узнала мгновенно - это был тот самый лощенный мальчик-чиновник из департамента имущества, все в том же дорогом песочном кашемировом пальто. Только сегодня в его ухоженных руках не было картонного стаканчика с кокосовым латте. В руках он держал пластиковую папку с разрешительными документами.

А вот второй гость был мне абсолютно незнаком. Крепкий, коренастый мужчина лет пятидесяти, одетый в плотную синюю строительную куртку, щедро перепачканную белой известкой. На его ногах красовались тяжелые рабочие ботинки, оставляющие влажные, грязные следы на нашем чистом полу. В руках он деловито сжимал электронную лазерную рулетку, красный луч которой прямо сейчас бесцеремонно скользил по вековой гипсовой лепнине под потолком, словно прицел снайперской винтовки.

- Доброе утро, дамы, - чиновник растянул губы в абсолютно фальшивой, пластмассовой улыбке эффективного менеджера. Взгляд его при этом оставался равнодушным и холодным. - Вижу, вы на рабочем месте. Отлично. Раз уж вы получили наше официальное предписание об ускорении сроков, мы решили не терять драгоценного времени инвесторов.

Он сделал легкий приглашающий жест в сторону мужчины в синей куртке.

- Познакомьтесь, это старший прораб демонтажной бригады. Мои люди начинают предварительные обмеры несущих конструкций прямо сейчас. Можете начинать паковать свои

личные кружки в коробки, Клара Николаевна. К концу э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.